

АЛАМОНТАДЪ

ИЛИ

12915

РОБЪ НА МОРСКОМЕ БРОДУ.

ОДЪ

ХАЙШРИХА ЧОКЕ'А.

НА СРБСКИЙ БЗИКЪ ПРЕВЕО

ТОМА ЖИВАНОВИЊЪ,

княжеско-србскій управитель пошта.

У НОВОМЪ САДУ.

КВЪИГОПЕЧАТНЯ Д-РА ДАН. МЕДАКОВИЊА.

1858.

P19 Cp II 1096/1.1

P19 Cr II 1096/1.1

№ 428

I

АЛАМОНТАДЪ

БИБЛИОТЕКА
МАТИЦЕ СРБСКЕ

12915

или

РОБЪ НА МОРСКОМЕ БРОДУ.

одъ

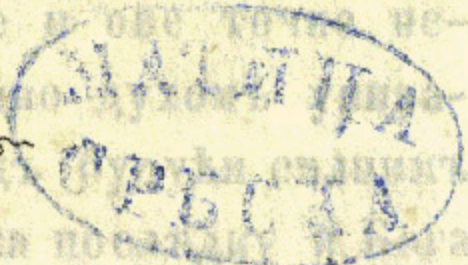
ХАЙРИХА ЧОКЕ'А.

807

на србскій езикъ превео

ТОМА ЖИВАНОВИЊЪ

княжеско-србскій управитель пошта.

У НОВОМЕ САДУ.

Книгопечатня дра Дан. Медаковића.

1858.

IV

томе разсуждаваюћи, едне ноћи (као што самъ на едномъ мѣсту исповѣда) яви му се Ангелъ у сну, кои силно и са великимъ шумомъ поредъ нѣга пролети, и коєга онъ суетно трудяшесе рукама задржати. Сновидѣніемъ овимъ охрабренъ будући и као нѣкій полеть духа добывши, съдне и повѣсть ову напише.

Кадъ е дѣло ово првый путъ на свѣтъ изышло, доста е не совершено было, но зато онетъ тако е велико число благоволителя свуда придобило, да се е за кратко време чєтыри пута препечатавати морало, ербо е у нѣму свака душа налазила себи утѣху и задовољство, зашто, како годъ што тихій вѣтаръ густу маглу са лица земль диже и развѣява, тако и овай божественногъ ума мужъ у сочиненію овомъ, вешто и премудро сваку сумню одъ човѣка одгони, а напротивъ свету добродѣтель, као у найчистіемъ огледалу живо предъ очи ставля, коя човѣкату вѣри своіой и у вѣри едного и истинногъ Бога снажно укрѣплює, коя му рай земный весело отвора и духъ у приятнѣйше расположеніе доводи.

И самъ кадъ самъ првый путъ повѣсть ову на немачкомъ читао езыку, осѣтио самъ се у необычномъ, но весьма приятномъ распо-

ложенію духа, кое ме и у умиленіе приведе.
 У таквомъ лепомъ и отвеѣтъ благоприятномъ
 расположенію духа налазеѣице, помислимъ у
 себи, да ѣу Роду моме врло велику ползу
 принети, ако повѣсть ову на матерній языкъ
 нашъ преведемъ, едно, што намъ учеѣа се
 младежь наша, врло велику оскудицу у ова-
 ковимъ сочиненіама и преводима трци, а друго
 и то, што е втора часть повѣсти ове іоштъ
 1827. и 1828. године у лѣтописима србскимъ
 изышла, па іоштъ онда, кой е оно читао,
 могао е увидити, да у повѣсти истой нешто
 важніе предходи, и да безъ прве ове части,
 губи и она друга свою праву важность. По-
 редъ тога одушевленъ будуѣи одъ ране мла-
 дости мое, томъ благородномъ жельомъ, роду
 своме у чему е годъ могуѣе полезнимъ учи-
 нитисе, отважимъ се и дѣло ово, кое у време
 одмора, кое пакъ, кадъ бы ми дужности зва-
 нія могъ допустиле, преведемъ.
 Докле самъ пакъ преводіо, имао самъ не-
 престанно трое предъ очима, *прво*: да одъ
 оригінала у колико е выше могуѣе не одсту-
 нимъ; *друго*: назеѣи на оригіналъ, да и чи-
 стоѣу србскогъ языка не повредимъ, и *шреѣе*
 као најглавніе: да ми слогъ чистъ и ясанъ
 буде, како бы дѣло ово свакій, кои поле са

вниманіємъ читао буде, лако разумѣти могао. У колико самъ дакле цѣль ову постигао, то почитаемимъ и безпристрастнымъ читательима моимъ на благоразсужденіе оставлямъ, само у толико са учтивостію примѣчавамъ, да ме нико обвинію неби за то, што самъ у нѣкимъ рѣчима славенска оконченія, а на нѣки мѣсти и саме славенске рѣчи употребію, ербо признати морамо, да у израженію вышши понятія іоштъ много оскудѣвамо, и да за то ни стално-опредѣлены рѣчій немамо, (а не ћемо ій скоро ни имати, ако се и далѣ овако немарљиво кодъ насъ на полю књижевномъ дѣлало буде, као што смо до садъ у томе небрежљиви были). Кадъ дакле наши собственны у народу нашемъ за вышша понятія рѣчій немамо, зашто се не бы са погдикоимъ изъ вертограда нашегъ цвѣтомъ у потреби послужили и съ тыме матерній языкъ нашъ богатели? Ние ли то много болѣ и цѣли сходніе, са своимъ послуживатисе, него одъ другога узаймљивати, или нове ковати рѣчи? Нѣки веле: „треба писати онако, као што народъ говори;“ но да ли се то може и были валяло? Да не може быти, то смо напредъ рекли, збогъ тога, што народъ у обычномъ своемъ говору нема за вышша понятія рѣчій;

а да не бы валяло писати, као што народъ по нѣке рѣчи изговара, то мыслимъ да сваки, кой е о томе нешто разсуждавао, признати мора. У народу се чуе, *болесъ* умѣсто *болесшь*; *болесанъ* умѣсто *болесшанъ*; *посъ*, *посанъ*, умѣсто: *посшь*, *посшанъ*; *шлбизъ*, *шлбпацъ*, умѣсто: *слбизъ*, *слбпацъ*; *шица*, *чела*, умѣсто: *ишица*, *ичела* и т. д. Дакле по овоме ако кои при изговараню оваковы и овимъ подобны рѣчій, устна своя не склопи и рѣчь правилно неизговори, заръ и ученъ треба да се за њиме поведе и тако пише, и не бы ли се, ако бы томе слѣдовали, удалили одъ корена рѣчій и за нѣколико година савъ языкъ искварили. На послѣдку не желимъ ово мнѣнїе мое никоме силомъ наметати, време ће собомъ донети, кадъ ће се еданпутъ ясно увидити, шта е болъ и правилнїе, а шта е горе и наоначнїе, само толико јошть одъ мое стране придодаемъ, да е свагдашнїй начинъ писаня моръ быо тай и остае свагда, пазити выше на приятность и благогласїе, него ли на строга и претерано пуривирањъ языка, ербо ово друго види ми се као да е навалична намѣра, силомъ удалявати се одъ славенскогъ языка, а съ тымъ кварити и свой языкъ и одузимати му ону сладость, безъ кое ни еданъ

езыкъ не може се совершенно изображенймъ назвати, него остае свагда ачеѣй и необдѣланъ, као што и видимо да су сви пре насъ, на високомъ степену изображенія народи бывши, имали, па и данасъ на истомъ степену стоеѣи, имаю свакій за себе свой книжевный езыкъ, кой е по правилама дотериванъ и критическій испитиванъ будуѣи, морао у нѣколико одъ обычногъ народнѣгъ говора одступити, па тако исто и мы, ако намъ то есть кадъ звѣзда среѣе засія и будемо у книжеству напредовали, моратъ ꙗко по времену еданъ общтѣй, изъ свію нарѣчія народа нашегъ и нами сродногъ изабраный, критическій испытанный, и са особитимъ призрѣніемъ на благогласіе обдѣланный езыкъ книжевный имати.

Подносеѣи овай малый трудъ мой премиломе Роду маме, а нарочито дражайшой юности, (коіой у свакомъ смотреню желимъ одъ свегъ сердца благословенный успѣхъ), у исто време прилажемъ и смиренну желю мою, да бы дѣло ово са онимъ усердіемъ свуда примлѣно было, съ коимъ га я и подносимъ, и да свакій у нѣму ону ползу наѣе, кою е безсмртный сочинитель добродѣтельнымъ душама наменуо, и ако се ова блага желя моя

испуни, то ѣу се онда потрудити да и другу часть повѣсти ове, што скоріе на свѣтъ издамъ, коя ће намъ животъ бѣдногъ Аламон-тада представити и показати, какову е овай кроткій и добродѣтельный мужъ немилостиву судьбу, единственно изъ зависти и дивлѣгъ предразсужденія искусити и напоследку животъ свой бѣдно окончати морао.

У Београду 21. Маја 1858. год.

Тома Живановићъ.

Прва кнѣга.

1.

Игуманъ *Дыллонъ* сѣдне на одну край езера зелену рудину, освѣтну испреплетанимъ надъ нама о стрменной стѣни высеѣимъ навитомъ.

„Овде има іоштъ и съ десне и съ леве стране мѣста!“ рече онъ, и смѣшеѣсе око нѣгово позва насъ да поредъ нѣга сѣднемо. *Родерихъ* сѣде и я слѣдова. Сва троица били смо іоштъ тишиномъ заняти, теченіе мыслій прекинутогъ разговора нашегъ продужити.

Съ оне стране езера свѣтляшесе вечерня румень надъ врховима гора. Найвыше стѣне и спокойне колебе алпійски пастыра, свѣтляху се у ружичномъ шару. Златне пруге трептаху измеѣу плавичастогъ неба надъ површиномъ снѣга ледомъ покривены планина. У дальнини виѣяху се плави врхови гора на хоризонту, како у облаке залазе.

„Богъ и душа!“ рече *Родерихъ*, кога чаръ вечернѣгъ предѣла чиняше се, као да е яко тронуо: „мало іѣ има, кои подъ небомъ желе среѣни быти! И опетъ тѣшимо се само дѣтиньскимъ умомъ на нѣдрима вѣчно добре природе. Она е непорочна, она е света; и ко ню люби, тога она освеѣава! И покварено срдце, обузето многимъ страстима, почива

спокойніе на сердцу матере, и стотину безнадежны желя изчезну у едномъ уздысаю внутреннѣгъ задовольства!“

„Прекрасно, благородный приятелю мой!“
 рекнемъ му: „на іоштъ кадъ бы то внутреннѣ задовольство на послѣдку само еданъ осѣхай быо. Или насъ сила нѣѣа, или художествена свирва, или прекрасанъ изгледъ каквогъ предѣла, или на послѣдку ума шта, за нѣкій тренутакъ поставило у предъ богова, свемъ едно.“

Игуманъ осмѣнесе Родерихъ намршисе и после краткогъ футана рече: „И не вѣруете да можемо управо блажени быти?“
 „Управо блажени? О то есте!“ — одговоримъ я: „но *посшоянно* блажени?“ — Да, него ако вамъ и то одобримъ, тонда морате ми се и о томѣ опредѣлительно изяснити, шта вы подъ именовъ „мати природа“ разумѣвате. Вы сте любезный Родериче стіхотворацъ, а я на жалость нѣкій ученикъ, кои ясна понятія потребуемъ. Мы се не ѣмо моѣ никако сложити, докле годъ сердца наша не почну хармонично куцати. Допустите ми откровенно говорити. Я држимъ изражай вашъ при усмотреню овогъ благогъ и прекрасно освѣтленогъ предѣла, за слѣдство приятногъ согласія ваше души. Но есте ли вы свагда у томѣ согласію? Можете ли таково *посшоянно* задржати? Завыси ли одъ васъ, себи своєвольно восхищеніе дати и одузети? — Ербо и чувствованія чи разумаша шегъ прѣесте-

ственна восхищенія принадлеже къ природи. Вы сте млади, вы ѣте любити и люблѣни быти. Прекрасна будуѣность плива предъ вама. — Вы сте среѣни. Но у нѣколико година то ѣе све исчезнути; крвь у вами поче ѣе блажіе теѣи; коса ѣе вамъ оседити, и онай рай, кои іошть предъ вама цвѣта, полако са заодомъ сунца исчезну ѣе. Човѣкъ посведневно менясе.

Я одговоримъ: „Среѣу я резумѣвамъ спокойство, и ако оѣете увеселеніе, *чрезъ случай*. Човѣкъ постае среѣанъ само чрезъ обсвоятельства, коя нѣговимъ желяма одговараю. Сырома човѣкъ быва среѣанъ, кадъ каково наслѣдіе получи, а прилѣжанъ и трудолюбивъ, кадъ му се труди нѣгови благослове; славолюбивый пакъ, кадъ му се име на далеко прогласи, а онай кои люби, кадъ напротивъ люблѣнъ буде — но то е све дѣло обстоятельства и отношенія. Преврне ли се ово, то и среѣанъ човѣкъ постане *несреѣнимъ*.“

„О томе я неговоримъ!“ рече Родерихъ: него о душевномъ станю, у коме *крѣпость* и *посшоянство* благочувствуемо.

„Нема“, одговоримъ я, „нема на земли постоянно среѣе, нити непрестанне несреѣе, зашто една и иста обстоятельства не постаю, него се посведневно меняю. Веѣъ познаемъ я нѣко извѣстно станъ душе, кое я блаженствомъ именуемъ, зашто у прекрасной овой речи, умотаваюсе у моемъ представленію два велика понятія, *душа* и *вѣчностъ*. Ово станъ

независимо е одъ споляшны догађая и узвышено надъ промѣнама повременны стварій. Нѣга мора сама *дрша* приуготовити, и може неразорено и *свѣчно* быти. И само насилно време, кое тѣло наше осуши, косу оседи, и сва помышленія наша уништожи, нема надъ нѣмъ никакове силе. Никакова среѣа неможе нѣга увеличати, нити несреѣа умалити. Са обадвема овима не стои оно ни у каковомъ союзу; шта выше, оно увеличава среѣу, а умалява несреѣу. — Ели то оно блаженство и непроменяемо задовольство Родериче, о коме и вы мыслите?“

„Заиста то!“ повыкну Родерихъ.

„Добродѣтель зовесе нѣговъ источникъ. Свакій неможе на земномъ овомъ кругу быти среѣанъ, али свакій може себи блаженство ово приуготовити, ербо у срдцу свакогъ смртногъ, лежи законъ природе и неугашаемо страхопочитаніе предъ овимъ. Човѣкъ, кой се при опомени своій дѣла, незастыди самъ одъ себе, него е чиста ердца, тай е надъ дѣломъ судбе узвышенъ, онъ е у дубльини свое несреѣе исто тако блаженъ, као годъ и да е на найвеѣемъ врху среѣе. Мы подъ сунцемъ живеѣи, немамо ништа у нашой власти, ништа намъ траюѣе непринадлежи, осимъ мы сами себи. Добродѣтелевъ быти, то зависи одъ волѣ свакога; а богатъ, славанъ и люблѣнъ быти, то веѣь у власти нашой ние. Судбина е нашъ майсторъ у свему, само добродѣтели нашой никакова судбина неможе

заповѣдати. За овимъ блаженствомъ, треба
мы да настоявамо, и Родериче, ние то тако
башъ ни тежко. Поступай свагда само тако,
како се самъ одъ себе неѣшъ постыдити!
— Видишъ, то е управ' онай конацъ, кой чо-
вѣка крозь цѣо лавиринтъ овай проводи. Ду-
шевна доброта, подае човѣку оно высочество
и ону самоу саосталность, коя га самоме Богу упо-
доблява и грађаниномъ второга свѣта чини.
Нѣму су сва блага овде на земљи и круне
царске, прахъ и пепео, па и саму смръть онъ
презире као ништа. Съ добродѣтельнымъ срд-
цемъ, я іошть на земљи живимъ у раю. Я
желимъ вѣчностъ, то естъ непрестанно тра-
янѣ мое душе съ оне стране гроба, но не
потребуемъ то за мое блаженство овде на
земљи. Добродѣтеланъ, независимъ одъ свѣта
кой га обкружава, узвышенъ надъ неповоль-
номъ погодомъ судбе, *неочекуе* по смрти одъ
будућности ништа. Онъ е *слободанъ*. Тако е
Богъ слободанъ. Мударъ прійма све што му
се догоди, као нѣкій поклонъ или срећу, безъ
да е онъ то као награду за принесену жер-
тву захтевао. Зашто ние оно никакова до-
бродѣтель, коя оѣе да се награди!

Родерихъ спустивши очи доле, падне у
размышленія.

Игуманъ *Дыльонъ*, кои доведе непрестанно
ѣуташе, наслони руку на мене и пригрли ме
къ пресима. „Приятелю,“ рече онъ, „твой е до-
бродѣтельный духъ выше нешто одъ човѣка. Ни
еданъ іошть на земљи ние поступао као онъ.

Ахъ! камо та света душа, коя бы се на гробу, са осмѣяванѣмъ наградителне вѣчности одреѣи могла?“ —

„Ваша е добродѣтель выше ужаснїя, него ли любведостойна!“ възгласи Родерихъ.

Я одговоримъ: „любезни приятели, кадъ бы я негда на момъ самртномъ часу ладну безпредразсудну свѣсть имао — кадъ бы одъ тогъ тренутка одма првый мой последнїй тренутакъ слѣдовао — то бы самъ я самъ тай човѣкъ са ужаснимъ одказанѣмъ быо, башъ ако и ни самъ найдобродѣтелни измеѣу людїй. — Я за мою добродѣтель не потребуемъ никакве награде, ние ми дакле за ню никакова *вѣчностъ* нужна, — — а за мое погрѣшке іошь много манѣ.“

Родерихъ сматраше ме са отчаятельнымъ погледомъ. „Заиста“, рече онъ, „я не могу вѣровати, да вы то озбыльно говорите. Ваша е добродѣтель една ужасна богиня, кою я не могу нигда ублажавати. Ни еданъ човѣкъ одъ праха зачетъ, неѣе е нигда загрлити. Една добродѣтель, коя е сама по *себи досша*, да нити какову вѣчностъ ни Бога потребуе, само е стварь Божїя, а никако за слабо и неяко срдце човѣка.“

„Вы сасвимъ строго судите!“ одговоримъ я: „мы говоримо о ономе, што намъ траюѣе блаженство сачувати може, кое е *независимо одъ игре обшояшелсшва*. Я велимъ да е добродѣтель што и совѣсть, и кадъ едно, онда и друго испуњавамъ. Домъ мой може лако

ватра изгорети; метежь еданъ може сва моя права уништожити и мене до просячине довести; смръть може ми отца, матеръ, браћу и сестре изъ наручїа отргнути. Я љу жалити и горко жалити, и врло *несрећанъ* быти, но то све ние опеть у станю внутреннїъ задовольство мое изгладити. Опеть ми преко свѣтїй зала остае една утѣха: да я свему томе ни самъ причина! Кадъ бы печаль моя толика была, да я не бы у станю быо самъ себе запытати: зашто за исчезаемимъ да плачемъ? — да ли самъ се имао одъ праха чему болѣму надати? — то бы онда, што душевна крѣпость ние у станю была, време надамномъ извршило; оно бы ранне излечило. После неколико година, и маовина заборавности зеленила бы се по развальинама мой домова и по гробови мой наймили. — Съ истиннимъ чувствомъ добродѣтели у срдцу, не страшимсе я ножа никаквогъ тирянина и никаквогъ отрова. Тако љу допустити, да се и милостыня прїйма, као годъ и што се раздае. Я љу са спокойствомъ поћи у гробъ, као годъ и у постелю. — Шта вы на то любезный Игумане и вы любезный мой Родериче велите? Кажите ми другїй кои источникъ осимъ овогъ! Я само овай еданъ знамъ: докле годъ добродѣтель испуњавамъ, дотле и внутреннїъ задовольство мое заштиштавамъ и я самъ блаженъ. Я не потребуемъ никакве друге надежде. Одъ мене зависи, добаръ, а съ тымъ и *срећанъ* быти.“

На то Игуманъ рече: „Вы готово имате право! Добродѣтель може много къ задовольству принети, но опетъ не све. Ако се не варамъ, вы обоица, любезны мои, сматрате човѣка само съ едне стране? Еданъ одъ васъ сматра га само као нѣко умно суштество, кое е свимъ буряма и ласкателнимъ обманама живота изложено; другій пакъ сматра га као нѣкій духъ, и као такавъ будући, да е незавысанъ одъ плоти и крвы? — О! любезни мои, не захтеваймо одъ насъ, за любовь едностранногъ сматраня ни одвеѣ много, ни одвеѣ мало. Не заборавляймо нигда, да мы нысмо само духъ!“

Я мышля да ѣу морати Игумана убѣдити; па му реко: „Вы дакле потврђуете, да сама добродѣтель и свѣсть, точно ове испуњаюћи, ни су по себи у станю учинити насъ блаженнымъ?“

„Нека буде и то, я не држимъ да е погрѣшно!“ одговори *Дыльонъ*: „Вы сте мало пре казали, да никакавъ несрећанъ случай, не може среѣу честногъ и поштеногъ човѣка нарушати. — О приятелю! я самъ ипакъ у дугоме животу моме, тако едногъ честногъ мужа видіо, коме добродѣтель нѣгова ние утѣху могла сачувати. Узмите само еданъ одъ свакидашњи случаева! Заръ немате између познаника ваши, каквогъ честногъ и у свакомъ смыслу поштеногъ човѣка, кои одъ хипокондріе страда? Добросердечный хипокондриста, кой за любовь сопутника свога

приноси найтеже жертве, о собственной своей добродѣтели са najveћимъ страхомъ сумня. Прошасте погрѣшке представляю му се непрестанно у найстраховитіемъ виду и као балвани, а о доброты своіой, кою е посѣяо, ништа на свѣту не зна, кудъ се е дела. — Уобште я држимъ, да у свѣту нема тако сасвимъ безъ надежде и несрећногъ створеня, као што е хинокондриста, кои сво време живота у незнаню проводи, или кои несуществованю много већу важность одае, него ли бдительности а съ тымъ и самой свѣсти. Но рећи ћете ми: али онъ е болестанъ! — Ништа любезни мои, онъ е зато опетъ човѣкъ безъ душевногъ блаженства при своей нѣговој добродѣтели, и ова ние у станю обвеселити га.

Родерихъ одобри ово Игуману сасвимъ. Мени пакъ углуби се у главу ово силно представлѣнѣ нѣгово, будући самъ и самъ едногъ одъ валяны людій познавао, кои, при свимъ пожертвованіяма своимъ, ние нигда ову свету тишину душе приобрѣо, кою самъ я за наслѣдіе чистого сердца назвати хтео.

Дыльонъ после краткогъ ѣутаня настави далъ: „Човѣкъ ние само духъ; онъ е са умностѣ тако тесно скопчанъ, да мы између овога двога не бы чисто у станю были нитаню черту превући. Зато и *найдобродѣшелни* не бива свагда воспоминаніемъ дѣла своей праћенъ, и најчестнии мужъ може у такова обстоятелства низринуть быти, гди га свѣсть

душевне доброте нѣгове сама безъ утѣхе остави, не састаравшисе, да га надъ бѣдомъ нѣговомъ узвыси. Да, пакъ шта выше, мы при наибольой нашей воли, нисмо свагда у станю, разуму нашемъ допустити, да говоромъ управля — често као премлаћени враѣмо се у нѣжна наручія наше умне природе. Овде, любезни мои, потребовала бы сасвимъ друга подпора, узъ кою бы се страдаюћий исправити могао, ако не жели да доцнѣе грабежъ свое бѣде буде.“

— ! 2.

Дыльонъ ѣуташе. Я се ни самъ сасвимъ противанъ осеѣао, него основоположенія моя, коима самъ совершенно повѣренъ поклоню быо, была су само изятіама и сумњи изложена. Противникъ разговора могъ, само е быо очекиванъ веѣма затегао, а не утишао. „Друга нѣка подпора осимъ добродѣтели потребуе!“ рече онъ, но исту ние іоштъ означіо быо.

Я му се окренемъ, и примѣтимъ, да е нѣкимъ дубокимъ мыслма или силнимъ восхищеніемъ обузетъ. Овай почитанія достойный мужъ, на словіо се быо на стѣну, спустивши главу доле на преи. Озбыльно нѣко соболѣзнованіе указываше му се на лицу, кое иначе само изражай веселе спокойности означаваше.

И моме приятелю Родериху ѣутанъ ово Игуманово ние могло равнодушно остати.

„Вы сте намъ нешто жалостни!“ упыта га и са приятельскомъ сердечностѣу прехвати га за руку: „погледайте любезный Дыльонъ, како е прекрасно вече; заръ ѣмо га у ѣутаню безъ забаве провести?“

„Истина!“ одговори Дыльонъ и осмѣну се „но я ни самъ жалостанъ. Разговоръ нашъ допире у найлепше тайне и желъ рода човѣческаго, кое хиляду споредны представленя и опомена у мени пораѣаю, и садъ представля ми се у души едно свето лице, кое ми се е іоштъ у младо мое доба указало, и заблудившой души моіой, као нѣкій геній, больій правацъ показало. — Добрый Аламонтаде! кроткій и любведостойный терпѣниче! — — Ел' те любезни мои, вама е то име веѣъ познато?“

„Мени е сасвимъ странно!“ рекнемъ я: „но опетъ чини ми се да самъ га еданпутъ изъ ваши уста чуо.“

„Аламонтадъ?“, рече Родирихъ: „Шта? робъ онай на морскоме броду, о коме сте ми на важнімъ мѣстима изъ оны артійца читали? — Заиста, жао ми е за тога сыромашка, да е онъ онаковъ выпренъ духъ, дао себе довести, да робъ на морскоме броду буде. Изъ тога човѣка могло бы нешто прозыѣи. Но како то? Вы као да нѣга съ друге нѣке стране сматрате и цѣните, кадъ се тако лепо о нѣму изражавате.“

„Я о нѣму безъ страхопочитанія не могу говорити!“ рече старацъ: „онъ ми е у жи-

воту моме, найвећегъ почитанія достойно появленіе быо. Посредствомъ вѣга, я самъ се мени у свѣту наново родіо. Ахъ! онъ ми е неописано добро учинио, и — незна се колико самъ му пута благодаріо.“

Дыльонъ буде у внутрености душе яко потрешенъ. Изподъ сѣды' трепавица нѣговы потеку му сузе. Устна му дрктаху, као да нешто у себи говораше. Печаль ова честногъ старине, косне се и нашегъ срдца. Сви се пустимо у рѣку едно ва другимъ нагомилаваюћи се чувствованія, неузнемириваюћи еданъ другогъ у разсуждаваню.

Нигда прекрасно оно магновеніе не могу заборавити. И сама около насъ природа чиняше се чувствителномъ у саняня наша ступити. Сѣдили смо у ладу изподъ стѣна; но изпредъ насъ губяше се у полузрачности свѣтлећа се пруга надъ врховима гора заедно са кроткимъ обитательима алпійскимъ, увѣнчана одозго величествомъ златноруменогъ неба. И езеро протезаше се тамно изподъ ногу наши у дальину. Тако се разставля безконечный гробъ одъ рая съ оне стране, кои мы по некадъ у воображенію нашемъ видимо.

Тихъ вѣтриѣъ вечернѣгъ воздуха, кои съ таласима езера одозгоръ долазаше, обвеяваше насъ прохладително и са тихимъ шумомъ губяше се надъ нама у чбунове као нѣкій уздысай.

Дыльонъ се пренне. Узеде насъ за руке, пригрли къ себи и рече: „Вы сте млади и

благополучни, любезни мои! Лако е, кадъ се животъ осмѣюе, смѣяти се и поредка и добра свуда наѣи, и у часовима музе оснивати системе за човѣчество.“

„Вы сте ме заиста учинили неспокойнимъ любезный Игумане! рекнемъ му я: „и све, што одъ васъ чуемъ, потврђуе, да вы изъ непознаты основа, одступате одъ мой увѣреня. Но я васъ заклинемъ, изразите се яснѣ. Кажите ми, шта има на свѣту болъ и успокоителнѣ одъ добродѣтели? Шта сердце выше укрѣплява противъ свѣта пуногъ неприятеля, него чувство правичности? — Я у дану туге и жалости незнамъ другу подпору осимъ ове, кою и само естество свакоме смртномѣ подае.“

„Шта му драго любезный мой!“ рече Игуманъ: „вече е врло прекрасно. Мы не можемо радостнии быти, него ако у повѣрителномъ разговорѣ, у коемъ се душа къ свѣтлѣ човѣчества узвышава, ово вече проведемо. Юшть кадъ самъ вамъ име *Аламоншадъ* споменуо, быо самъ готовъ учинити то, што садъ одъ мене захтевате. Хотѣо самъ вамъ приповѣдати, ко е тай благородный мужъ быо, како самъ га познао, и како се одъ мене разстао. Ова о нѣму воспоминаня и садъ су ми юшть благодѣтелна и управо созыдателна“

„Преповѣдите намъ!“ выкне Родерихъ: „Човѣкъ, робъ на морскомѣ броду, кѣга Дыльонъ съ толикимъ уваженѣмъ почитуе, мора нѣкѣй особытый мужъ быти.“

„Пре него саму повѣсть почнемъ,“ рече Игуманъ, „допустите ми, да іошь неко примѣчаніе учинимъ. Вы пре него што житіе Алаонтадово чуєте, треба се постарати, да духъ нѣговъ познате, зашто безъ овога не ћете ни приключенія нѣгова моћи разумѣти. Вы ћете само предъ еднимъ прекраснимъ мртвацемъ стаяти, но нѣгове ћете се душе лишавати и бадава потомъ чезнути.“

„И вы сте већь — нити васъ е срећно юношество ваше могло одъ оне озбыльне мысли сачувати, коя пре или после мора еданпутъ са устремленіемъ навалити на онога, кой самъ нешто разсуждавати почне — и вы сте велимъ већь, као што васъ и говоръ вашъ издае, о цѣли вашего быћа и о опредѣленію вашемъ на земљи разсуждали. Желіо бы само, да овимъ мыслима и далъ слѣдуете: ербо и шта имамо одъ овога важніе на земљи?“

„Човѣкъ роди се, сазрѣва непрестанно къ опредѣленію и осети да живи. Безъ нѣгове волѣ ступи у оволикій просторъ свѣта. Нѣка непозната сила бацы га у метежный овай свѣтъ између цвѣћа и трія — кодъ оногъ смѣе се, а подъ овимъ крваво плаче и пита: ко ме постави овде? ко имаде право, да ми отме оно, што самъ пређе притяжавао, безчувственность и небыће? Но питаня нѣгова недобыаю никаквогъ одговора.“

„Тѣшисе донikle са тамношћу изъ кое е пређе произышао; но при промѣни будущности, не остане при овоме. Ко самъ я? почне

пытати. Шта ћу я овде на свѣту? Зашто мо-
рамъ живити? Да ли зато, да художество,
руководѣніе или науку какову изучимъ и сред-
ствомъ тога да могу напоследку себи кровъ,
рану и одѣло и друге потребе прибавити?
Жалостна бы была та цѣль и недостойна то-
ликогъ труда и толикогъ плача, за ово наше
кратко существованѣ. И опетъ найвыше се
у животу човѣческомъ то упражнява, као да
е то главно опредѣленіе наше. Сви се му-
чимо, сабирамо у гомилу, тежимо напредъ,
како бы иманѣ и силу нашу веѣма умножили,
налазеѣи-се непрестанно између старанія и
надежде, па и остале осуђуемо единственно
съ те точке сматраюѣи. Свѣтъ овай подо-
банъ е нѣкой пустыњи, у којој се све што
се налази, непрестанно обрѣе и пребира око
себе, да се одъ глади сачува.

„Или заръ самъ зато овде поставлѣнъ, да
између цвѣћа и трия мудрость сабирамъ?
Духъ мой да изображавамъ? Заповѣди разума
могъ да извршумъ? — Та бы намѣра была
іошть благородна. Но што е *моя* цѣль, да л'
е цѣль и осталы *свою*? Но видимо да ние
тако. Жалость и брига за тѣлеснимъ потре-
бама, одузимаю веѣу часть живота. Само по
нѣкій часъ остае на изображеніе духа. Из-
међу толико миліона людій на земљи, врло
ій се мало за развианѣмъ душевны сила и
прибавлянѣмъ високе добродѣтели стараю.
Многи су се народи подизали и опетъ падали,
безъ да су се ове благородне цѣли опоме-

нули. Па зашто су живили? Заръ толике хиляде людѣй, кои са замршенимъ понятіяма у непрестанной мрачности одъ колевке ко гробу спѣше, нису люди као и я? Заръ дѣтенце оно, кое и непознавши себе и овай свѣтъ, у наручіяма материнимъ умре, ние было човѣкъ као и я? и заръ е опредѣленіе нѣгово другчіе одъ мога?

„Каже се, да мы нисмо за овай долный свѣтъ створени, веѣь да наше опредѣленіе лежи иза хоризонта овогъ земногъ быѣа, и да испуњаванѣмъ добродѣтели, морамо себи больй животъ заслужити, иначе, да тамо порочне вѣчна мука, а праведне царство небесно очекуе. — Но како то, кадъ я іошть овде на земљи видимъ, да добродѣтель наша редко кадъ рай, и порокъ редко кадъ пакао заслужи? — Да не буде рай и пакао, само измышленіе нѣкогъ непознатогъ свѣта, кои о Богу у себи осимъ себе ни спомена нема; или да не буде тай свѣтъ само текъ сила воображенія ума нашегъ, кои измеѣу себе и свевышнѣгъ тражи союженіе? Ко намъ е рай или пакао показао? Мы християни кажемо: Богъ преко сына свога. Да шта веле язычницы? или онай, кога е воспитаніе, или судба или собственно разсужденіе одъ науке отчева удалило?

„Добро, я самъ за другій свѣтъ опредѣленъ, да зашто самъ у овай морао доѣи? — Може быти, да се у овоме за онай приуготовимъ? Да какво е приуготовленіе могло

учинити дѣтенце оно, кое е и непознавши себе, одма умрло? На кой се е конаць оно и раѣало? Ако самъ за другій нѣкій свѣтъ опредѣленъ, зашто е лице тога свѣта одъ мене сакривено? Зашто ни еданъ гласъ неће да затруби изъ царства мртвыхъ?

При овимъ рѣчима Дыльона, устаде са зажаренимъ лицемъ Родерихъ горе. „Ахъ отче!“ рече онъ: „и вы — дакле и вы! О како самъ несреѣанъ быо! — Носіо самъ болѣтицу мою у тайности и стидіо самъ се сакривену тугу мою другоме одкрити. У вами, само у вами имамъ повереня; я самъ васъ за лѣкара могъ изабрао! — ахъ! и са ужасомъ гледаюѣи лѣкара, како ранне свое развія, увиѣамъ у нѣима мое собственне!“

Съ почетка збогъ жестокогъ движенія Родериховогъ быо самъ се уплашіо. Прехватимъ га за руку и рекнемъ: „Шта, любезный Родериче, заръ вамъ е то тако страшно, што нашъ Дыльонъ говори? Жао ми е, што самъ рѣчь о томе и повео. Но опетъ немаримъ, еръ самъ се одавно съ тимъ мыслима занимао; одавно самъ се быо веѣь свію прекрасны надежда моіѣ одреко, и себе моіѣ и свію насъ смртны горкой судби предао. Родериче, и я самъ тако исто као и вы страдао, но садъ самъ едно заключеніе учиніо. Оѣу добродѣтеланъ да будемъ, и съ томъ добродѣтелію да се еданпуть у наручія уништоженія вручимъ, безъ яуканя и лелеканя. Па ако ешь Богъ, и ако у царству нѣговомъ

постои она сладка рѣчь *мзда*, као што е нама людма познато, добро, а ако ли тога *само за насъ* дѣцу праха не буде — онда љу изчезнути, но са чистомъ совѣсти и наградителномъ гордости изчезну љу: „Ты си ми Господи оно дао быо, што я ни самъ захтевао, животъ пунъ плача — но я самъ га сносио; сносио самъ га са највећимъ мужествомъ и торжествованѣмъ, и осећамъ себе достойна за больй и неизчезаемый свѣтъ. Ты ми ниси то приуговорио; нека буде! Неће зато нигда тужба на моя уста произићи. Тако самъ већий, него устроена овогъ свѣта судбина!“

Родерихъ гледаше снуждено доле у земљу. Говоръ мой рекао бы као да му се ние најболѣ допадао. Онъ ману главомъ. „Не, о не!“ са скорбнимъ гласомъ возопи: „я ни самъ толико безъ чувства, да само великій будемъ. Я самъ човѣкъ, и ништа выше быти не могу. Я ништа друго не желимъ, него само да у свету ролу лудогъ и претераногъ човѣка не изыгравамъ, кой съ поля лѣпшій изгледа, него што есте. Да, ништа друго нећу, него да споляшный свѣтъ у согласію са *внутреннимъ* моимъ свѣтомъ буде; да ме разумъ мой не вара, и сердце мое на зло не вуче. Тежко мени, ако се я изъ овогъ заблуженя нехтенемъ изчунати; ако бы вы истину хтели, а я само изъ преію нѣкогъ приятногъ сна срећу мою да сисамъ! — Бадава љу я онда моя ласканя благосиляти; бадава ће онда све ваше истине на то управлѣне быти. Изгу-

блѣну срећу ни за какву цѣну нећу моћи я повратити!“

Ядикованъ ово Родериха косне ме се: Устанемъ горе, и пригрлимъ га, рекнемъ му: „Любезный Родериче, зашто сте тако печални? И у наручию истине почива радость. Заръ ни самъ я еданъ одъ честити людій, упркосъ свимъ тимъ увѣреніама, коя вы тако за ужасна нађосте? Заръ я ни самъ нѣжный приятель, веселый содругъ и добрый сродникъ? — Заръ не налазимъ и я задовољства свуда; и заръ ни самъ и я одъ оны, кои радо другима пружа? — Успокоите се. Истина е човѣку срећа, а цѣль разумъ; обмане пакъ у тамномъ дѣтиньскомъ свѣту мораю се свагда допадати.“

„Не, не!“ викну Родерихъ: „я башъ тежимъ за тимъ мрачнимъ дѣтиньскимъ свѣтомъ и нѣговимъ пролѣтнимъ небомъ. Ваша истина прекида све радости и прогони свѣтлость изъ природе, и допушта да се найтопліе сердце мора следенити.“

3.

Садъ подиже се и Игуманъ *Дыльонъ*, кой насъ е довде съ вниманіемъ слушао, и рече: „Послушайте и мене! Вы збогъ различитости ваши чувствованія, ваши вображенія и разсужденія, тяжело ћете кадъ *едногъ* мышленя, *едне* вѣре и *едногъ* увѣренія быти. И ваше е жребіе едно и исто, као и све остале наше браће. Тежко ми е за Родериха

што толико тужи. Но може бити да я ни самъ толико болестанъ, као што е онъ у првомъ ужасненію помислио, па шта выше, може бити да я іоштъ имамъ за нѣга лѣка. Што сте вы обоица дошли на то, да о ва-шемъ быћу, и о важности ваши надежда разсуждавате, томе самъ се я надао. Обоица у бореню између ласканя и истине, носите ранне, но опетъ нив између васъ тако велика разлика, као што вы мыслите. Ранне ове еднога су іоштъ кржаве; другога истина мало су засушиле, но іоштъ дуго нећеду се залечити. Само еданъ ударъ треба, па ће лака кора нѣвова опасти. Обоица ступили сте изъ прекраснога сна дѣтинства, и гледате, како оно, што сте до садъ вѣровали и у што сте надежду полагали, као нѣка сѣнка на свѣћи растећегъ знаня изчезава. Еданъ садъ радъ е да се у стара любка ласканя поврати и на то умъ и силу свогъ воображеня обраћа, но залуду се само бори, ербо докле годъ свѣћа болѣгъ познаваня горе, не може бити мрака. Другій пакъ оружа се гордо съ разумомъ своимъ, и оће самъ себе да ожесточи, противъ найлѣпше желѣ човѣческой природе. Но бадава се и онъ бори, ербо докле годъ срдце у нѣму куца, куца ће оно и за нѣгове желѣ.“

„Како то *Дилбоне*,“ выкнемъ ушлашено, „заръ оћете сваку утѣху да намъ одузмете, па и ту, да на послѣдку *сами* заборавимо, како смо несрећна створеня на свѣту, кадъ сами себе точно познамо?“

„Заиста,“ узданувши Родерихъ рече, „врло жалостна створеня и најжалостнїя на свѣту! Заиста вредно е завидити ономъ животномъ, кое е у блаженомъ неразумству на овај свѣтъ дошло, веселый тренутакъ быѣа уживало и опетъ изчезло, безъ да е прошасте радости оплакивати, и безъ да се е ноѣи будуѣности бояти и судбу свою познати могло!“

Дыльонъ насмѣе намъ се. Погледъ нѣговъ быо е пуњъ истинногъ сажаленя. Скиде капу съ главе и вѣтаръ развеяваше танке власи нѣгове. „Погледайте“, рече, „како ми е коса као снѣгъ побѣлила. Мой е вѣкъ веѣъ протекао. Свакїй данъ очекуемъ, кадъ ће ми трудолюбива смртъ на врата куцнути. Я ю безъ и најманѣгъ дрктаня очекуемъ; и кадъ ми се укаже, убрзи ѣу мое дрвене ноге, и у любка нѣна наручїя са највеѣимъ задовољствомъ поѣи. Видите любезни мои, то ние слѣдство гордости разума мога, нити слѣдство измышлѣногъ ласканя; еръ мечтанїя су моя извѣтрила, и крвь у мени почела е давно блажїе теѣи. Него има друго нешто, кое намъ крѣпость подае, и кое самъ я произнашао. И я самъ се борїо и страдао као и вы. И я самъ се у таковомъ очајтелномъ станю налазїо као и вы, куда су се све мое надежде една за другомъ стропоштавале. Но ангелъ, кой е мене извео на путъ, исцѣли ће и ваше ранне. Немойте се устрашити, ако я са ваши ранна завое одчупамъ, и допустимъ да крвь потече; неѣеду оне не залечене

остати. — Но я самъ уморанъ. Да съднемо опетъ овде на стъну. Вече е приятно, моѣмо разговоръ спокойно продужити.“

Мы слѣдовасмо позиву любведостойногъ старине, кои съ таковимъ доказателствомъ и таковомъ ясношѣу говораше, да бы и найвеѣегъ сумнителя у станю быо увѣрити.

„Я познаемъ ваше станѣ!“ рече онъ: „но немойте мыслити, да сте вы први, кои одъ те сумнѣ страдате. Сви люди одъ равногъ образованія, дослѣваю на послѣдку тамо гди се и вы налазите, присвемъ томъ, што су се позадуго на степену човѣческогъ знаня узалудъ обртали. Мало иѣ има, кои говоре о томе, единственно збогъ тога, да и они друге чрезъ своя безъ утѣхе оставша разсужданя, не бы учинили несреѣнимъ, као што су и сами. Или. прекриваю свою горестъ, ербо се боѣ, не што неразуму, него да изсмѣяни и презрени не буду. Многи одъ овы, односе прекривену ову тугу, са собомъ у гробъ! многи угушую болѣтицу ову у чувственимъ роскошностима, и будуѣи да збогъ овогъ падну у порокъ, то да бы чрезъ низке радости губитакъ вышегъ воспоставили, употреблю сурову свою философію за покрывало жалостногъ добитка; многи пакъ измысле нѣкій начинъ самообмане, замотаваю се у превару и постаю найприлѣжнѣи посѣтительи цркве, како годъ што су пре тога найвеѣи подсмѣвачи ове были. — Да, любезни мои, ваша е болестъ много познатія, него што вы мы-

слите. Вы се волнуєте у тами. Чуемъ свуда тужбе како законъ пропада, ербо су цркве праздне, и половина одъ оны, кои іошть посѣштаваю, да само збогъ обичая и чести ради божиіой служби присуствує. Чуемъ гди се отчеви жале, да имъ се сынови стиде Богу молити; чуемъ и матере гди уздишу, што имъ се кѣри срамоте одну рѣчь о Богу проговорити. — Истина, да читанѣ нѣки кнѣига и разведраванѣ понятія, обычномъ обреду црковномъ штету приноси; но варамо се, ако држимо, да се съ црквомъ и законъ забораваля. Богъ и безсмртіє, не могу се нигда заборавити. Дѣвица и младићъ завысе у самоѣи одъ овы узвышены предмета; прошлость буде имъ црква, а смрть замени у томъ духовногъ учителя. Но слабо упражняване силе юношескогъ духа, наскоро попузну. Вѣра у откровеніє, коя вамъ є преѣе подпора была, садъ лежи у развальинама. Себе садъ безъ ове подпоре усправити, вы сте врло слаби; вато падате често у малодушіє, кое се потомъ на нѣкій начинъ у тихо отчаяніє преліє, и после за жалостна средства избавленія вататесе, као што самъ мало пре напоменуо.

„Ахъ!“ узданувши Родерихъ рече: „та вы ту испреноведисте мое житіє.“

„Не само ваше, него и я вами мое,“ одговори Дыльонъ. „Но мы нисмо съ тимъ іошть окончали. Садъ ако ѣете ме слушати, преноведи ѣу вамъ и повѣсть мога оздравленія.“

Игуманъ *Дильонъ* одавно е веѣъ очекиванъ наше на ту точку довео быо, и то тымъ выше, што е онъ, не сматраюѣи на нѣговъ слободный начинъ мышленя о црковнимъ вѣроисповѣднимъ стварима, и, не сматраюѣи на нѣгову високу старость, быо образацъ непоколебиме истине. Цѣо околный предѣлъ, почитовао е тога старину; но никога болѣе не познавао, као у несреѣу падши и дѣчица, ербо къ овима быо е свагда мио и приятанъ. Имао е особитый даръ, тугу овы са ердца изгладити, ербо е знао поучити; погледъ нѣговъ, кой онъ преко странногъ бацаше, быо е доволянъ човѣка поучити, и у кратко, докле бы само нѣколико рѣчій проговоріо, проникнуо бы онъ внутренъ станъ страдалника. Свакій страдаюѣій, налазаше у овоме чрезвычайноме мужу, не само утѣшителя и страдаюѣегъ приятеля, него и дѣйствителногъ сопутника свое собствене несреѣе. Пре смо му се повѣрили, него што смо га познали, и кадъ онъ учаше, мыслили смо, да не нѣгове веѣъ наше собствене мысли и тайне желъ у найточнѣемъ поредку и ясно одну изъ друге истичуѣу, изъ уста нѣговы слушамо.

По овомъ започе свою повѣсть и рече: „У младости моіой быо самъ право дивляче, и желіо самъ войникъ быти. Осеѣала се тада нѣка подпалююѣа сила, и мыслило се да се може уеданпутъ са надъ — и подземнимъ

силама борити. Но родители мои нису тако мыслили. Они су презирали земну войну а напротивъ любили духовну, тымъ выше као силу противу мрака. Посвете ме дакле за поборника христове цркве на земљи, и я са сыновнимъ отданіемъ по нѣиовой вољи, испунимъ желю овогъ сѣдогъ пара и предамъ се духовномъ реду.

„*Предамъ* му се, то есть цѣло мое существо почело му е одма принадлежати. Младићъ еданъ са ужеженнымъ мечтаніемъ у начину своме ние читавъ. Честолюбіе мое, безъ надежде будући, свѣтъ са оружіемъ устрашити, стане садъ саняти о томе, да све цркве христіянства са славомъ светинѣ испуни. Постанемъ дакле правый преподобникъ. Самоѣа и тихо величіе монастыра у коме самъ живіо, читанѣ церковне історіе, христіянски гоненія, страданѣ наши светаца и мученика, одушевлявало ме е у подвизима. Сматрао самъ свѣтъ као едну велику цркву, у коіой е самъ Господъ Богъ првосвештеникъ. Любовь учини край моіой побожной будалаштини. Упознамъ се са едномъ младомъ дѣвицомъ, кое лепота доведе ме у восхищеніе, и нѣно боязливо приятельство постане за мене рай у моіой самоѣи. Ту привесемъ любовь и мое обранѣно срдце на жертву. Мыслио самъ да самъ съ тымъ првый коракъ къ братству са свима светиняма учиніо. Кадъ самъ осмеяваюѣи се на мене небо гледао, ласкале су сузе едне несреѣно любеѣе дѣ-

вайке моіой суѣти. Како ли самъ себе за великогъ, и за очистѣногъ одъ овы просты земны створеня, па и за найвеѣегъ светца сматрао! Вознамѣримъ и у монашескій чинъ ступити. Но родители мои задрже ме. По-станемъ мірскій свештеникъ, и наскоро средствомъ моіой сродника добіемъ добру парохію.

„Текъ што самъ почео извапъ стѣна монастырски живити, огади ми се она велика наклоность къ светиньѣ. У великой приморской вароши наѣмъ много выше задовольства, него у чемерной самоѣи освеѣены видова. Но честолюбіе мое остане оно исто; само цѣль промѣнесе. Наскоро заключимъ у себи, да найученніи нашегъ и свію столѣтія постанемъ. Станемъ саняти, да у пространно полѣ Θεологіе и Философіе ступимъ. Прводѣло кое самъ за одбрану намѣравао предузети, было е, да неоспориму истину закона противъ свію сумньѣ и руганя докажемъ.

„Читао самъ, писао самъ и разсуждавао дуго о томе, но пошто се самъ собомъ увѣримъ, обратимъ се са онимъ истимъ оружіемъ противъ светинѣ, съ коимъ самъ се пре тога спремао да га бранимъ. Увучена злоупотребленія у обреде црквиене, учине ми цркву, а црква напослѣдку и самъ законъ не-сносимъ. — Тако постанемъ изгублѣнъ сынъ закона. Напослѣдку за успокоеніе мое, вознамѣримъ изъ развалина овы новъ храмъ подиѣи. О суѣтнога труда! Развалине ове, шта су быле? Дивля предразсужденія изъ

дѣтинства рода човѣческаго заоставша; по-
цѣпане обмане и изгублѣне надежде. Моя на-
дежда и мое спокойство веѣь е было пропало.
Оплакивао самъ спокойство безазленогъ юно-
шества, бадава самъ се трудіо завуѣи се у
развальине мога сна, и бадава самъ часъ онай
оплакивао, кадъ самъ првый путъ помысліо,
да у тайну духовногъ свѣта проникнемъ.
Лежао самъ дакле ту у найвеѣой бѣди и згру-
ванъ, као гіганти подъ нѣновимъ стѣнама,
кадъ су, незадовольни будуѣи са земљомъ,
хотѣли себи путъ у царство богова отворити.

„Тежеѣи за свѣтлосѣу, пао самъ быо у
безконечну таму. Хтео самъ Бога изближе
видити, но онъ изъ замршеногъ свестрой-
ства, быо се удаліо. Гдѣ самъ нѣгда са слад-
кимъ зрѣніемъ присутствіе нѣгово изчекивао,
ту наѣемъ мртве остатке самогъ себе тро-
шеѣегъ естества. Хтео самъ завѣсу са вѣч-
ности скинути, а я у мѣсто тога сурвао самъ
се у безконечный гробъ, у коме мртва ти-
шина уништожени и све потамнююѣа забо-
равность, лежаше.

„Да бы се ове заблудителне мудрости
избавіо, никаково покушеніе ни самъ поште-
діо. Тражіо самъ *истину*. Само истина, со-
вршено увѣренъ и неопровргаемо знанъ, мо-
гло ме е успокоити, а привидѣніе, неосновано
мышленъ и голо вѣрованъ башъ никако. Пре-
ѣемъ кругъ мога искусства и могъ жалостногъ
испытиваня; надаюѣи се непрестанно, да ѣу
еданпутъ открыти заблуѣенъ оно, кое ѣе мою

безутѣшну мудрость сурвати, и опетъ у люб-
кій старый свѣтъ повратити. Но суетно!
Моя ужасна извѣстность понесе до тогъ
степена, да самъ вѣчно у тами остати морао.

„*Шта е овай свѣтъ?*“ почнемъ пытати,
и опетъ доѣмъ на найужу границу човѣче-
скогъ знаня. Видимъ разне шаре, образе и
преиначенія, распознаемъ гласове, осеѣамъ
тврде и мекане ствари, кое тѣломъ именуемъ,
но съ тымъ не познаемъ *ствари*, него само
нѣиову споляшность и нѣиово на моіой кожи
и на моимъ нервама дѣйствіе. Видимъ маске
(наличія), но дѣйствователя унутра не видимъ;
видимъ появльиваня, но нѣиовъ источникъ
не видимъ. Да ли е ова споляшность ства-
рій *нѣиова* собствениность? Или да ние то
слѣдство непостижногъ орудія моіи чувства?
Дакле и то незнамъ; ербо найманъ преина-
ченіе у моимъ чувствениимъ орудіяма, преи-
начава свѣтъ; едно само чувство *выше*, и
одма представіо бы ми се новъ свѣтъ.

„И ова моя чувства, шта су она? Како
я могу чрезъ ове коже, цѣви, жилице и со-
кове доѣи до представленя оногъ, што ми се
съ поля показуе? Како могу они чувственио
у духовно и тѣлесно представленіе прео-
братити? Е ли хармонія ова, коя ми съ поля
у свѣту говори, собствениность онога, кѣе се
за появленіемъ представля, кое я тѣломъ
именуемъ и по нѣиовимъ впечатлѣніяма на
моимъ живцыма распознаемъ, или е дѣйство
оны цѣви, жилица и сокова? Или е дѣйство

строя моѣи воображенія, кое я часъ духомъ, а часъ душою называю?

„Шта е моя душа? — Догађа се са самомъ самымъ као и са появленіяма чувственогъ свѣта. Познаемъ мое быће само у разнымъ дѣяніяма. Но шта самъ я самъ, кое све ово производи, то опетъ не докучуемъ. Духъ е мой еданъ невидимый источникъ: видимъ рѣке моѣи дѣла текуће, безъ да знамъ, куда. Я самъ животно безъ огледала, кое лица свію своѣи пріятели познае, само не свое, кое онъ нигда ние видіо.

„Какво страшно замѣшательство! Я есамъ, безъ да знамъ ко самъ, у саюзу са ствари-ма, кое я не познаемъ. — И зашто самъ я *шак*? Зашто не *другіе*? Како самъ дошао као частица у овај свѣтъ? Да ли е было кадъ време, мадъ ни самъ ништа быо? Ко ме приведе у свѣсть? И шта ћу я на овомъ загонетномъ позору?

„Пытаня и вѣчна пытаня, коима никакавъ одговоръ невозглашава. Я опредѣленіе мое непостизавамъ; на ни толико, да ли самъ овде као собствена цѣль поставлѣнъ, или као средство за туђе, тамне намѣре. Нагнанъ самъ у пукотине ове вселене, и ту морамъ быти, а ни толико не знамъ, да ли се изъ исте изтргнути могу са собственномъ снагомъ. Я могу строй разорити, то есть тѣло ово, коимъ дѣламъ и появленія производимъ; но немамъ увѣреня, да ли бы тимъ началну силу разорію, коя дѣланя производи. Я могу дрво

изгорети, но шта самъ уништожио? Заиста началну матерію не, нити оно вещество, кое овогъ споляшность показуе, и кое самъ я дрветомъ назвао, него само образъ и бою састављногъ; и я появленіе то, по преиначеной форми и бои, именуемъ *целомъ*. — Прво дакле вещество остае; нисамъ га уништожио, ербо иначе оно друго появленіе не бы могло произыћи.

„Тако стоимъ ту, незнаюћи, да ли себе могу изъ вселене ослободити, или непрестанно траяти морамъ. *Непрестанно шраши*? и на што? — Да ли самъ я са свѣтомъ одъ искони постао и зашто я то незнамъ? И ако ъу непрестанно траяти, оъу ли опетъ знати, да самъ я овде? Посрѣмъ сырома крозъ невидиму таму, и свудъ ударамъ о гвоздене зидине човѣческогъ проницателства. Каковый ли предѣлъ лежи иза овы зидина?

„Да свѣтъ овай тако изгледа, као што га я видимъ, ние што е башъ таковъ, него што су моя чувства тако устроена, да га морамъ у таковомъ виду себи представити.“ — *Морамъ?* Да како другчіе? У представленіяма моимъ слѣдуемъ законима, кое ни самъ самъ себи дао. Немогу дакле изъ овы закона ни изступити. Не могу ни поредакъ овай разрушити, у коме сва чувствованя и представленя уживамъ. Тако слѣдую све мысли една за другомъ у мени, или у времену. Време ние осимъ мене, ербо я га не могу ни омирисати, ни чувствовати, ни осетити,

ни чути ни видити. Време е нешто у мени; и то не само голо представенъ, ербо се оно не да преиначити, него е часть нѣка мое организацие, законъ нѣкій и форма, по којой я као присилънъ сва моя представленя управляти морамъ. Да ли влада и съ поля у пучини цѣлога свѣта, нѣко *време*, као у метежу мойй мыслий и осеѣая? Нешто што едно за другимъ непрестанно слѣдуе? Има ли и тамо прошлость и будуѣность, или се то обое само у моіой души образуе? Да ли мой почетакъ и свршетакъ постои у цѣлой вселенной, или само у свѣту мойй представленія?

„И гди е тай свѣтъ мойй представленія? Ко устрои цѣло ово предивно созданіе, кое, безъ да знаде, како е, шта и зашто постављено, само опредѣленіе свое разуме, да се непрестанно двизати, обртати и дѣйствовати мора? — Ко е бы тога виновникъ? — Како, да ли е онъ морао то *створиши*? Ко е створителя створитель? Ёли нужно было да све ствари еданъ почетакъ имаю? — Шта е было пре створеня свѣта? — Да нису почетакъ и созданіе опетъ причина представленя, кое я изъ появленія сыромашногъ чувственногъ свѣта сабирамъ, или да ние слѣдство свойственне организацие мога духа? Заръ не могу ствари у себи сасвимъ другу сродственность имати, него што е у тесномъ кругу представленя могъ быѣа? Зашто содржавамъ у себи идею о едномъ Богу? Ёрбо не могу себи да разрѣшимъ загонетку ову о

свѣту безъ тога ключа. Но овай ключъ постае опетъ загонетка! — Како ѣу дакле ову разрѣшити, безъ другога Бога? И шта ѣу съ тимъ получитьи? Кудъ ѣу се онда дети? Тада ѣу опетъ о стѣну мога разума лупити — изъ волшебногъ овогъ круга, по коме ми предстои путовати, не могу никако изыѣи. — —

„Тако любезни мои, заносіо самъ се изъ сумнѣ у сумню. Напослѣдку загубимъ се у едну непроходну пустыню. Представи ми се еданъ свѣтъ пунъ обожаемы лажа и обманѣника; цѣло людство пакъ у обмани о самыма себи. Дѣла кралѣва и нѣиовы хероя, уподоблявала су се ужасноме бѣшенству; дѣла философа и богослова изгледала су ми као дѣчія сиграчка. Гледо самъ милліонима, како предъ олтарима на колѣна клече, молеѣи се непознатоме суштеству, кога суштностъ разумъ никако неодобрава. Гледо самъ милліонима, како се на самртноме часу моме у надежди будуѣи, да ѣе сила свемогуѣегъ опетъ развеянный прахъ нѣиовъ за больій свѣтъ саставити и оживотворити.

„И опетъ сви ови кои се у заблуѣеню овомъ радоваху и умираху, были су готово среѣнїи! О како бы я радо, выше пути рекао самъ у себи, дао мою мудростъ, за ваша сладка сниваня! Но еданпутъ засвѣтли и мени природа у величественности своіой; и лѣпота нѣна была е одушевляваюѣа и веселый нѣкій духъ говораше ми изъ чудесности нѣне. Прозрачный неба сводъ нїе се выше бадава над'а-

многъ простирао, и небесна свѣтила пролетяху по нѣму. Свака звѣзда, за мене тадъ лѣпшій свѣтъ, пуна тайногъ значеня, свѣтляшесе доле у сузама земны обитателя; и нѣка опомена вѣчнонаграђуюћегъ пронзаваше крозъ сводъ небесный доле на землю и у горећа сердца. И кадъ е зора пролећа небо у златный видъ поставила и горе озеленила, и уснавано естество са поянѣмъ шева пробудила — кадъ су се велимъ пѣсне пробуђены существа почеле до неба орить; колѣна ми у радости клону, и паднувши къ земљи на молитву, хиљадама цвѣтова око главе мое падаху и са росомъ ружице сузе мое помѣшаю се, — ахъ! тадъ проговори ми изъ дубльине сердца и са высине: Богъ е вѣчна любовь! — По овоме уземъ цвѣћа и посемъ по гробовима, и сандукъ у коме се мртви погребавая, назовемъ я, да е то само колѣвка за другій животъ. И прва суза жалости и туге, коя надъ любимимъ умершимъ падне, да е заиста прва суза любви и тежнѣ, да се на скоро съ нѣиме савдинимо, гди нема выше уздисая, кое уморне прси надима и гди вѣчность непрестанно трае.

„И видите любезни мои“, настави Дыльонъ далѣ, „я самъ быо врло несрећанъ. Но я самъ се трудю себе узвысити, и судьбу мужеске крѣпости сносити, кое самъ држао, да се неће моћи преиначити. Безъ да самъ знао, да ли еданъ Богъ управля, и безсмертїе, да ли е мое опредѣленїе, почитовао самъ законъ

добродѣтели, и у испуненію овогъ осећао самъ нѣку утѣху. У овомъ духа согласію до-
годи ми се, да се у Тулону наѣмъ; и ту е
было оно, гди самъ се са онимъ мужемъ
уознао, кой ми е изгублѣно спокойство по-
вратіо.“

5.

„Еданъ данъ“, тако преповѣдаше нашъ
Игуманъ, „добіемъ налогъ, да у Баню одемъ
и тамо у болницы едногъ болестногъ роба
исповѣдимъ и пречестимъ. Лѣкари были су
дигли надежду, да ће га моћи излечити, а
тако исто и при шпиталу бывшій свештеникъ.
Они су нашли у овомъ сѣдомъ грѣшнику най-
веѣегъ идолопоклоника, кой се никако ни е
дао обратити. Мене су тадъ држали за нау-
ченога. Капетанъ надъ робовима, Г. Делубинъ,
чиняшесе, као да овога роба нешто уважа-
ваше, и будући да ме е лично познавао, то
и онъ замоли ме, да се о спасенію душе,
овога затуцаногъ грѣшника постарамъ. Ко-
лико самъ слабо маріо, одпадника каквогъ у
наручія цркве враћати, опетъ обећамъ се да
ћу то учинити. Любопытство мое іоштъ веѣма
ме побуди, кадъ самъ чуо, као што се вооб-
ште говорило, да е овај идолопоклоникъ со-
вршено ѣаволу одданъ; да е гори одъ Кал-
віна, и да цитира најспособніе языческе спи-
сатель на паметъ.

„Я поѣмъ. — Доста чудесно, међутимъ
мышляхъ у себи, и ни самъ се могао одъ

смѣя задржати: овде ће садъ еданъ слободномыслеій другога у вѣру обраћати. Да ме е богобоязливый капетанъ робова болъ познавао, не бы ме толико подстрекавао. Но тако мы проводимо жалостне слѣпаріе у животу. Ни еданъ одъ смртны, па башъ и да е найученіи и найдобродѣтелніи, нема толико мужества, да се крозь овай свѣтъ безъ маске провуче.

„Уведу ме у собу болнога роба. Онъ сеѣаше, у едномъ старомъ япунцету замотанъ, са лицемъ ко отворенимъ прозорима окренуть, башъ као да хотяше се огреяти, а у исто време и чистъ воздухъ уживати. Кадъ самъ ушао, окренусе къ мени. Я оно бледо светиньи подобно лице, неѣу докле самъ живъ заборавити. У нѣга ніе быо подмукао и намрштенъ погледъ као обычно у злодѣя, или безстыдно дрзновеніе отврднутогъ порока, загушено покаяніе и сокрушеность кривца, или признаніе невалялства, не, веѣь тиха смиренность непорочне душе, доброта невинности, коя изъ велики прекрасны очію нѣговы говораше. Лице страдалника овогъ, изложено свирѣпостима свію непогода, и измождено одъ болованя, имаѣаше при свемъ томъ што е онако изгледало, нѣшто благородно и приятно у свимъ чертама своимъ. Острагъ на потильку ѣелаве главе, виѣаше се іошть по гдикоя танка сѣда власъ, кое глави, и глави преступника, почитанія достойный изгледъ даваше. Довольно, да самъ при изгледу овомъ

особито дирнуть быо. Нисамъ се никадъ на-
дао, да ѣу кодъ овогъ човѣка то наѣи.

„Приближимъ му се. — „Опростите“ рече
ми, „я вамъ поклоненіе мое не могу учинити.
Видите ноги мое на сламячи пружене. Оне
су веѣь до колѣна отечене.“ — Приступимъ
му ближе, и упытамъ га за име. Одговори
ми, да му е име *Аламоншадъ*, и покаже ми
мѣсто роѣня овогъ, а у исто време, да е
у цвѣту младости свое на робованѣ на мор-
скомъ броду осуѣенѣ, и да има іоштъ одну
и полъ годину да издржи, а да е веѣь близу
двадесетъ и деветъ година у робству провео.

„„Благо теби“, рекнемъ му, „тако ѣешъ
скоро ослобоѣенѣ быти, и остатакъ дана
твоѣй као честанѣ мужъ провести.“

„„Я неѣу отечество мое выше видити!“
одговори ми дрктаюѣимъ гласомъ: „я отече-
ства немамъ у свѣту — мени су га одузели.
Я тежимъ у спокойный предѣлъ гробова.
Видимъ добро, да ми е смрътъ наклонитія, него
ли животъ, и неѣе ме толико задржавати,
колико ме е до садъ задржавао.“

„Тако одъ прилике говораше тай робъ.
Я васъ увѣравамъ, да ме е кротость овогъ
страдалника, изборъ нѣговы израженія и тонъ
коимъ говораше, выше дирнуо, него у забуну
поставіо. Све ово увѣравало ме е, да оваѣ
изъ граѣанскогъ свѣта изгнанныѣ, ние одъ
обычны сострадалника нѣговы, него да е не-
кадъ морао добро воспитаніе имати, ербо
заоставши знацы одъ тога, кое е и у средѣ

развращеногъ дружба, съ коимъ е половину
вѣка свогъ провео, умео сачувати, ясно су
свѣдочили о томе.

„Вѣруешъ ли ты дакле“, наставимъ я
опеть рѣчь, „вѣруешъ ли ты Аламонтаде, да
ослобоженъ твоє одъ робства неѣшъ моѣи
доживити?“

„Я се по крайнѣй мѣри надамъ,“ одгвори
ми, „да ѣе ме преѣе смръть одъ терета моѣи
дана, него ли законъ одъ окова ослободити.“

„Па заръ ты можешъ тако спокойно о
смрти твоѣой мыслити? Ёси ли дакле време
робованя твога тако употребю, да можешъ
слободно предъ праведногъ судю стати?
Видишь Аламонтаде, Господинъ Капетанъ
Делубинъ много о теби сожалѣва. Онъ самъ
држи, да ты неѣшъ іоштъ много дана бро-
яти — — — дошао самъ заиста, по захте-
ваню нѣговомъ къ теби, да — —“

„На то Аламонтадъ превати. „Милость
Господина капетана косняваме се дубоко; а
и ваше човѣколюбіе Господине, я почитуемъ.
Него молимъ васъ покорно, извол'те моме
Господину явити, да выше не шилъ ни ед-
ногъ свештеника, него последнѣ мое часове
утѣхе, да самоѣи остави. Треба ли и морамъ
ли се и *ове* последнѣ утѣхе лишавати? —
Ако то къ *вашемъ* успокоєнію може служити,
то изяснявамъ се іоштъ еданпутъ, да има
веѣ двадесеть и три ужасне године, како
самъ се за прекрасный тренутакъ мое смрти
приготовю; да я безъ сваке туге умиремъ,

и да я предъ праведнога судію по смрти, не страшимъ се изыћи. Ако ми се молба ова неће уважити, то молимъ причекайте мой последній часъ, како бы ми последнѣ пречестѣе могли дати.“

„Ово онъ изговори тако усерднымъ гласомъ, да самъ му се морао обећати, да љу за нѣга говорити. Између осталогъ падне ми и то сасвимъ изненада на паметъ: да е дужность послѣдню волю смртногъ уважити; а ако е онъ какавъ отпадникъ быо, то не треба га силомъ противъ волѣ нѣгове у рай терати.“

„„Вы сте *свешеникъ*?“ рече онъ: „Ваша благодать много ми е приятнѣя, него све опомене ваши предшественника. Дали сте ми спокойства, и учинили сте ме господаромъ послѣднѣгъ часа, кой ми е наймилии. Човѣку едномъ, као што сте вы, пуномъ стрпѣнѣя, сажаленѣя и проницателства, не може быти ни благодарность еднога роба, неприятна.“

„Я му дадемъ разумѣти, да къ успокоенію нѣговомъ желимъ и выше у колико е могуће учинити, и да никаксову благодарность не заслужуе, нѣга са богословнимъ разсужденіями обтерећавати, почемъ су наклоности нѣгове томе сасвимъ противне. Ово самъ зато предложію быо, да бы само овогъ чудесногъ мужа и далѣ испытати могао. — Онъ ме на то као са нѣкимъ удивленіемъ погледа, и после краткогъ љутаня рече: „Господине, вы есте еданъ чрезвычайный мужъ!“

„„Чрезвычайный?“ рекнемъ му: „я не на-
лазимъ ништа чрезвычайно у испуненію прве
дужности свакога човѣка.“

„„*Башъ у шомъ* состоисе чрезвычайность!“
одговори онъ.

„На то захтемъ одъ нѣга, да ми се мало
болѣ изясни. По овоме рекао бы, као да се
онъ мало выше ослободи, и са страхопочи-
таніемъ упыта ме, да се нећу само лютити,
ако се почне мало слободнѣе изражавати. Я
га увѣримъ, да ће ми то особито мило быти.
По овоме настави онъ: „Господине, кадъ
обычный човѣкъ дужность свою испуњава,
онъ истина похвалу незаслужуе. Но човѣкъ,
кога станѣ и достоинство надъ собраћомъ
нѣговымъ узвыси, и сердце нѣгово ожесточи,
заиста заслужуе удивленіе, ако не покваренъ
и природи човѣческой вѣранъ остане. Зато
и владѣтельима свако добро дѣло, у войнику
нѣжно чувство прама страдаюћемъ, у адво-
кату правицу, и у свештенику почитаніе прама
странномъ мнѣнію, треба похвальивати.“

„Старомъ едномъ робу мыслію самъ да
мудрованѣ ово не бы морао приписати. Но
опетъ човѣкъ овай, кое за ово а и за све
остало што говораше, почне ми све знаме-
нитіи постаяти. Отворимъ му и далѣ волю
къ разговору, и будемъ срећанъ, да самъ
повѣреность нѣгову пробудію. Искусимъ, да
е у младости своіой лѣпе науке свршію, и
одъ овы одлученъ, да е на робованѣ осу-
ђенъ. Онъ е преступленіе свое, ако е кадъ

какво учинію, заиста скупо платію. Но, колико ме е любопытство мучило, оцетъ мыслию самъ да страдалника овогъ морамъ поштедѣти одъ пытаня за прошавша нѣгова страданя, да га при последнѣмъ нѣговомъ концу у жалостномъ и бѣдномъ ономъ положеню не узнемируемъ.

„Поступанѣ мое съ нѣимъ рекао бы, као да му е сасвимъ приятно было. Са найвећимъ снисхожденіемъ моляше, да га іошъ кой путъ посѣтимъ. „Я ни самъ достоянъ те милости,“ рече ми, „но ваше милостиво сердце куца за невольне. А и робъ е іоштъ човѣкъ и вашъ сродникъ. Я самъ обезчестѣенъ и безъ иманя. Докъ ми іоштъ десна рука ние была одбіена, могао самъ покадкадъ и писати. Остали су ми ови листови, на којима самъ тугу мою са сузама назначію. — Ове листове остави ћу вамъ негда, као аманетъ нѣкій. Могуће да ће вамъ мили быти.“

„Захтеваню нѣговомъ удовлетворимъ. Посѣштавао самъ га посведневно. Разговоръ нашъ обрати се наскоро у најблагородніе предмете човѣчества. — О! любезни мои, овай презрѣный мужъ, наскоро стависе предамноу у редъ найдостойніи међу смртными. Онъ, кога самъ я одъ заблуђеня нѣговы хтео одвратити, одврати мене. Мудрость нѣгова постаде ми у ноћи живота звѣзда даница. Добродѣтель нѣгова освети ме наново. Нигда одъ божественногъ тога роба ни самъ се разстао, да поправимъ не одемъ; и на само

у соби моіой бележіо самъ разговоре, кое смо водили. Одите, да вамъ разговоре мое са Ала-монтадомъ саобштимъ. Съ тымъ я спомень нѣговъ найболѣ увеличавамъ. Што сте годъ до садъ одъ мене чули, сматрайте само као уводъ къ свему. Душа ваша налази се у ономъ истомъ станю, у комъ е была и моя према умираюћемъ робу. Што е онъ мени онда говорио, примите, као да онъ садъ вама говори.“ —

Съ овимъ речма дижесе горе Игуманъ Дыльонъ. Ишли смо ѣутаюћи поредъ обале езера. Сунце было е веѣ на заоду и мрач-ность покрываше вселену. Родерихъ и я, были смо сасвимъ погружени. Дыльонъ сломи намъ и ону танку тршчицу, узъ кою се духъ нашъ донде іоштъ осланяо быо, да сасвимъ у муку ужастногъ отчаянія непадне. Тумарали смо безъ сваке подпоре, и привежемо се тврдо за Дыльоново узвышено и постоянно чувство, као неяка дѣчица уза свогъ родителя.

Кадъ доѣмо у Игуманову собу и свѣће буду упалѣне, извуче онъ између папира своій едну свеску. Мы сѣднемо, а Дыльонъ почне читати.

6.

Премда я нисамъ хтео роба одма са испытиванѣмъ о богословнимъ предметима обтереѣавати, боећи се да га не бы увредіо, зато онъ опетъ самъ поведе о томе разгово-воръ. Говораше са найвећомъ ватромъ о закону.

„Како,“ рекнемъ му, „дакле и ты имашъ нѣкій законъ Аламонтаде?“ — Заръ вы держите, одговори ми, да може човѣкъ безъ закона быти? Само некая дѣца и сасвимъ людъ, могу безъ закона быти.

„Па кой е вашъ законъ? Ербо васъ држе за одпадника.“

Я самъ изгнанъ изъ друштва мое собраће, одговори Аламонтадъ; зато може о мени сваки свакояко мыслити и говорити. Я самъ се веѣь одреко приятьельства мое браће, зато и неѣу нигда выше уста отворити, да себе бранимъ и правицу свою доказуемъ. Я не принадлежимъ никомъ. Ако би и имао какову радость, ко бы е самномъ деліо? — А мое муке я самъ мужественно самъ сносио.

Пусти се у нѣко скорбно ѣутавъ, а потомъ погледа у мене и рече: пытате за мой законъ? како ѣу вамъ га описати? законъ е мой, кой ми е самъ створитель у внутренности моіой открыо. Предразсужденіе велике гомиле, безнаравственность свештеника и монаха, противорѣчіе у основима црковне науке са неисцрпимомъ истиномъ природе, пробудила су іошть у младости мое разсужданъ. И ово одвело ме е изъ нѣдра цркве у наручіе господа Бога.

„Па заръ се ты у свимъ твоимъ злополученіама, налазишъ у закону твоемъ спокоянъ?“

Ахъ! господине мой, спокоянъ? Истина, но зато опеть нестрадамъ ништа манъ. Као

нѣко приятно волшебство сахранява насъ законъ у буряма живота, да не бы пропали. Но овако баченъ у бездну бѣде, господине, недасе смѣяти, па башъ да намъ в небо као светомъ Стефану отворено.

„Желимъ ти срећу, кадъ ти е законъ твой и *шолко* помогао. Удалѣнъ одъ тога, као што е моя намѣра свагда, твоя вѣро-законна увѣренія испытивати, радъ самъ иѣ само познати, да бы иѣ свакомъ у несрећу падшемъ у сердце улили могао, ако бы могуће было.“

Мой законъ господине, зна сваки. Вы ћете га у свимъ предѣлима свѣта наћи. Сви народи имаю га; само съ нѣкимъ украшеніемъ и додаткомъ, одъ когѣга я ништа непотребуемъ. Мени е лакше него икоме нѣга имати. Я самъ еданъ бѣданъ, кои никаковомъ народу выше не принадлежи, него само човѣчеству. Зато я и немамъ законъ *едногѣ* народа, него законъ *човѣчествѣ*, и нико ме зато непрогонява. Па и націе нису се никадъ за законъ бориле, већъ за *обрѣде* овогѣ, и за *людско домешанѣ*. — Но опетъ велимъ, благо онима, кои су за нѣга умрли. Еданъ и други были су у нѣму блажени.

„Добро, кадъ ти твой законъ за правый и истинный држишь, и выше ништа несумняшь; и кадъ си увѣренъ да е законъ други, као нѣко мнѣніе и тумаранѣ, како иѣ можешъ онда ублажавати?“

Ербо су и *были*. Ахъ! да самъ човѣкъ, као што су други, и као што самъ *негда* быо, и да самъ любовь и повѣренѣ свѣта уживао, — опетъ страшио бы се грѣха, туђе законе задиркивати. Обитатели землѣ, живе у вѣчномъ младолѣтству. Они су вообште дѣца, и потребуу руководителя и заступника. Разумъ њиовъ почива свагда у мягкой колежки фантазіе; а чувства наоколо стое и успавлюю ій. Премда силна природа лебди предъ њима и яснымъ гласомъ казуе имъ: еданъ есть Богъ! и премда у внутрености њиовы срдца обитава свето емство за вѣчность — опетъ повѣреніе њиово у *самога себе*, врло е слабо и неяко. Дрѣћу сами одъ свогъ неповѣренія. Выше вѣрую страннима, него своима. *Траже одкровеніе*. Па нека имъ буде! Свакій народъ има свое одъ Бога посланике и пророке; и свако дѣте выше вѣруе отцу своме, него само себи. — Редко кои самъ собомъ управля. Само по нѣки подигну се изъ ове массе милліона; познаду свидѣтелство естества и емство у њиовимъ прсима, и свѣтлость духа њиовогъ, као звѣзду преодницу човѣчества. То су испоручители и посланицы божіи.

„Заръ неће,“ упытамъ га, „заръ неће кадъ то време доѣи, у комъ ће се родъ човѣческій изъ ставя несовершенство искупати?“

Я сумнямъ о томе, одговори Аламонтадъ. При оваковомъ уређеню свѣта, у комъ мо-

рамо себи насуштный лебъ заслуживати, протиче найлѣпша часть живота свуда око плуга, око разбоя, у страу и по мору путуюћи, заслужуюћи себи земне потребе. Врло іѣ мало има, кои дане живота свога, наукама посвѣћаваю. Могуће, да ће кадъ то столѣтіе доћи, у комъ ће еданпутъ народъ даръ мудрости и естествознаня, и плодове труднога сабираня изъ свію поля човѣческаго знаня, као свою собственность притяжавати; могуће, да ће кадъ и то столѣтіе доћи, у комъ ће и самъ законъ, у тихой своіой простоты, и ослобоженъ одъ чувственни окова, законъ народа быти — но никадъ неће народъ моћи самъ испытати и познати. Велика основна правила и науке, нигда се нису изъ првогъ источника непосредственно црпили, него се свагда съ повѣренѣмъ на учителя мудрости осланяло. — Па како годъ *онда* што в было, тако исто и *садъ* постои. Народъ зависи съ вѣромъ къ оному, кой му в освещенніи вышшегъ познанія, и то са вѣромъ, коя дѣте къ своимъ родителямъ, и разслаблѣногъ къ своме лѣкару приводит. Сурова ће предразсужденія исчезнути, но нова опетъ произыћи, коя ће свѣтомъ завладати. Люди ће негда выше наука и художества знати, бы ће изображенніи и човѣчніи. Они ће се негда и овога варварскогъ свѣга, у коме мы садъ живимо, гнушавати — али зато опетъ, нигда изъ стапя младолѣтства неће моћи изступити.

„Я сумнямъ,“ рекнемъ му, „да ће човѣчество, почемъ се изобрази, и вышій нѣкій степенъ проницателства и нѣжногъ чувства уживати почне, у исто време и манѣ бѣде међу собомъ имати.“

Зашто не? О, заиста господине, подѣ ка-квимъ облагорођенимъ народомъ, не бы я найлѣпшу половину дана мой, у тавници и у оковима провео. Зарѣ невѣруете, да са облагорођењемъ наравій народа, подижесе и явно благополучіе, а бѣда утаманюе, — сравните само за едно магновеніе изображене народе нашега вѣка са дивльимъ хордама, кои садѣ топрвѣ на првомъ степену изображенія стое; поклоните еданѣ тренутака съ овимъ ужасѣ суевѣрія, необузданность раздраженны страстій, безчовѣчность нѣиовы войны, свирѣпость нѣиовогъ неправичногъ поступаня у правицы, горке плодове глупости у оной части живота — — сравните напослѣдку едногъ благостоећегъ европейца нашегъ столѣтія, са однимъ такође истогъ станя изъ дивльгъ среднѣгъ вѣка, по нашемъ рачунаю година! — Развиеніе разны дужностей човѣческогъ естества увеличава уживанѣ живота, и радости живота; разореніе шкодльивы предосужденія и непрестанно напредованѣ у науки, умалява число зла, и подае души свагда нѣку величину и снагу, съ коіомъ она сама себе надѣ непроменяемимъ зломъ узвышава.

Недайте се обманъивати, настави Аламон-тадъ далъ, своеуміемъ стіхотвораца и слу-тенѣмъ философа, кои у образованю народа само нѣкій ураштай зла увиѣаю, и, будући да у дѣйствителномъ свѣту ништа нѣновимъ идеяма обштой среѣи неодговара, то они трудесе ово у дане првога вѣка, или некога доцнѣгъ кой ѣе доѣи, пресадити, — у дане, кое іоштъ ние нико доживію, нити ѣе кадъ доживити. Србо то принадлежи слабостима людскимъ, свагда желяма обкружени быти, и у посведневномъ вараню снада и то, свагда у прошлости и у будућности болю нѣку дра-жестъ налазити, него ли у садашнѣости. Са-дашнѣость е една мала точка у времену; пре него што смо помыслили, она е веѣъ проле-тила и друга наступила пре, него што смо могли и помыслити. Сва наша чувствованія подѣлена су у овимъ врло ситнимъ части-цама времена. Топрвъ у прегледу цѣлогъ реда овы, онажамо нѣнову вредность. Зато нити е радость ни опасность тако лѣпа или ужасна у магновеню садашнѣости, као кадъ то едно или друго изчекуемо; а обое задобія наново свѣжію шару одма, како у прошлостъ ступи. — Мы хвалимо блаженство дѣтиньскогъ жи-вота; но кадъ бы намъ Богъ слободанъ из-боръ оставію, кой бы се желію вратити на-трагъ? И стіхотворцы и философи, кои за нравима народа толико оплакую, — зидаю имъ колебе опетъ меѣу Ірокезима или Фи-ландезима, или меѣу блудѣимъ Татарима или

Алгирцыма и Мароканцыма — и очекую, да ли ће жребіе свое похвальвати? —

Тако говораше Аламонтадъ. Я самъ га са найвећимъ задовољствомъ слушао; предложена моя служила су у толико, да нове мысли у нѣму побуде.

7.

Кадъ самъ едно после подне къ Аламонтаду отишао, застанемъ га у кревету. Нѣка необычна свѣтлостъ озараваше нѣгово лице; насмѣя се на мене, а донде нигда га видіо нисамъ смѣяти се.

„Ты изгледашъ данасъ врло добро?“ речемъ му. — О врло добро! Отокъ мой одъ ногу разударіо ми се выше пояса; и лѣкаръ кадъ е видіо, мануо е главомъ замышлѣно. Неће се дакле моћи дуго противити неприятелю, когъ онъ *смршћу*, а я *живошомъ* называмъ. —

„Умирешъ ли радо, Аламонтаде?“

На ово питањъ, погледа ме са нѣкомъ неописаномъ бистротомъ а у очима нѣговимъ, свѣтляше се затворена ватра срдца нѣвогъ. — Како? рече: Заръ што ће ми се радостный тренутакъ указати, кой ће ми са утруђены ногу тежке окове скинути, и мене изъ ове мрачне тамнице извести, и изъ жалостногъ туђинства у премило отечество одвести, треба да се страшимъ? Ко іоштъ мари овде на земљи за зароблѣнимъ Аламонтадомъ? Нема ока, кое ће сожалително замномъ сузу

пустити. Немамъ ништа тако любезно да оставимъ, кое бы ми повратакъ у домъ отца могъ отежчавало. —

„У домъ отца твогъ? А гди е то Аламонтаде?“

То е тамо, гди љу опетъ съ моима быти; гди љу опетъ, у велику фамилию праотаца, као дѣте-ступити, а не као пасторче, и гди љу у свему равно-созданимъ суштествама равнанъ быти. И земный овай кругъ принадлежи къ области вѣчнога; но овде было самъ низринуть у бѣду, и нико ме ние познавао, нити ме е душа коя поздравила, као душу брата свога. —

„Еси ли ты Аламонтаде за цѣло увѣренъ, да те после смрти новъ животъ очекуе? Можешъ ли ты са неустрашимимъ увѣреніемъ очи твое заклонити? Ты си было, као што ми е познато, кога законъ никаковый ние укрѣплявао. Како можешъ дакле, безъ вышегъ одкровенія, твое жребіе по смрти знати? — Но опетъ не љу са сумняма внутреннѣ твое спокойство да нарушавамъ.“

Заиста, одговори Аламонтадъ, ово спокойство не може никаква сумня нарушити. И я самъ стоимъ онде, гди су они стояли, кои су младолѣтномъ роду човѣческомъ откровеніе даровали, безъ да су га и сами имали. Човѣкъ у совершенству своме, не потребуе преестественно появленіе, да себе у домородномъ свѣту за домородна осеѣа. Само слѣпъ мора се туѣомъ рукомъ водити, но

нѣму ипакъ остае путь мрачанъ, па да му хиляду сунца сія.

„А кадъ е човѣкъ у своме совршенству?“
упытамъ я.

Одма чимъ све дужности свое равномѣрно изобрази, да іѣ као што надлежи удостојава и употребљава! одговори Аламонгадъ: ко оѣ на рукама да иде, а съ ногама да дѣла, сматра се за будалу, као што по правицы и есте. Тако е будала и онаѣ, кой са *силомъ воображенія* оѣ вѣчностъ да обувати; или кои чувствованія закономъ наравственности прави; или кои бывше одриче, зато, што е изъ памтени нѣговогъ изчезло, или кои никакву будућностъ не вѣруе, зато што ова іоштъ ние была; или кои о единомъ Богу сумня зато, што о быѣу овога толико, или може бити и манѣ доказательства има, колико и за суштностъ свога быѣа. — Човѣкъ е крѣпакъ, и великій и самомъ Богу у кругу живота свогъ раванъ. Но *лажна управа*, и погрѣшно употребљаванѣ нѣгове силе, прави га неспособнимъ. Оѣ покадкадъ съ очима да чуе, а съ ушима да види. Но то не може бити. Онда почне бѣду човѣческогъ суштества оплакивати, и стане се на свѣтъ и нѣговогъ виновника тужити; недостае му свудъ истине, чему е свему самъ кривъ. —

Овай говоръ дирне ме яко у срдце. Безъ свакогъ узтезаня, повѣримъ се овомъ мудромъ човѣку; саобштимъ му мою болестъ,

и ове ужасну сумню, која е сво мое спокойство нарушавала.

Вы о *свему* сумняте, рече ми смѣшеѣи се, па и о *шомъ*, да вы сумняте? Не налазите нигди у свѣту истинности, дакле и у томъ, да вы заиста сунтествуете, не налазите? —

„Не!“ одговоримъ му: „да я овде постоемъ, то не могу одреѣи, ванъ да самъ конечно лудъ; да и друге ствари осимъ мене постое, и то е истина. Но шта су ове, и зашто самъ я? — То не могу да знамъ.“

А одкудъ знате, да вы постоите? Ко вамъ е то показао? —

„Я осеѣамъ и мыслимъ, и одъ туда заключаемъ, да нешто осеѣа и мысли, и оно нешто, мое е я. Нешто дѣйствуе на мени, независимо одъ вољъ мойй представленія; немамъ дакле узрока сумняти и о другимъ стварима да не постое. Но ове ствари я непознаемъ, него само ньиово дѣйствіе на моимъ чувствама. Тако исто не могу да познамъ, како се душа моя са споляшњимъ свѣтомъ союжава. Што дуже природу испытуемъ, налазимъ, да ова одъ споляшњи стварій у мени производеѣа се дѣйствія, недаду ми друго заключеніе о качеству ньиовомъ учинити, него да е состояніе дѣйствія слѣдство непостижногъ могъ створа.“

Ахъ! господине мой, рече Аламонтадъ, да човѣку ние стало за вышимъ и лѣпшимъ тайнама мыслити: заиста познаванъ обкружа-

ваюћи га стварій, слабо бы га занимало. Но са задовољствомъ я ѣу вашимъ мыслима слѣдовати. Оно, што ми е крозь цѣлый животъ усамлѣнимъ моимъ часовима забаву приносило, услади ѣе ми и последню седмицу, данъ или часъ могъ пребываня овде на земли. Я потврђуемъ съ Вами заедно, да ми причине ствари, кое свѣтомъ именуемъ, у тайнопунѣмъ мраку обитаваю; и да я само у нѣкомъ вообразителномъ свѣту живимъ, кой се у свему по законима могъ разума представля. Но и у овомъ морамъ я, такође по истимъ законима, оно дѣйствующе нешто одъ дѣйствія разликовати. Видимъ дакле цѣлу вселену у две части подѣлену: *Еданъ свѣтъ пунъ появленія*, или дѣйствія на мене, и овай е, кога я само *познаемъ* — другій пакъ свѣтъ пунъ дѣйствующи, себе непознаваюћи *причина*, кое я изъ дѣйствованя *познаемъ*; и къ овоме принадлежи мое я, или ако оѣете моя душа, коя сама появленія производи. Тако наравно видимъ чудесный овай цѣлога свѣта сатъ само съ поля, или само нѣгову сказальку, али внутрення она справа, остае ми тамна, и тай узвышенный художникъ. —

„Ты говоришь“, рекнемъ му, „ты говоришь о причинама и дѣйствіама; но знашь ли и то, да е башъ тако *дѣйствительнѣ* у свѣту? Ко може о томъ ествовать, и да ние све другчіе, него што си ты принуѣенъ быо себи представити? Тако цѣо тай твой свѣтъ ништа выше и ништа манѣ не бы быо,

него нужно слѣдство твое организаціе, као и ружа што е нуждный производъ внутреннѣгъ строя нѣногъ бокора.“

На ово — одговори мой философъ — дае се само *едно* одговорити: или морамъ употребленіе са разумомъ чинити, и тада у слѣдству нѣговогъ закона, морамъ мыслити. Или ако небу по прописима мога разума судити, то онда опетъ сходно разуму морамъ нешто противъ разума, као равноважеће, на врхъ ставити; и тадъ сва испытиваня уклонесе на страну, а неразуміе заступи овога место. Ђзыкъ овогъ последнѣгъ толико исто неразумемъ, колико годъ и онъ самъ себе што неразуме. Тако докле самъ годъ човѣкъ, то есть, докле самъ разуманъ, говори бу по разуму, и сумня безумія не може ме оборити. Я говоримъ само о свѣту, као што га *имамъ*, а не о ономъ, о коме никаква свѣдѣнія, ни трага, ни гласа немамъ, и кои нигди за мене, него у ошибки мое фантазіе постои.

Довольно е, кадъ знадемъ, да я есамъ, премда будала о себи сумняти може; знадемъ и то, да друге одъ мене независиме ствари, на мене дѣйствую. Я есамъ, и нисамъ само я еданъ. Дѣлимъ уживанъ овогъ быѣа, са милліонима други ештества. Подъ овимъ милліонима, разумѣвамъ я равносоздана мени ештества, и именуемъ нѣи и мене, зато што слободну волю имаю дѣйствовати, *духовима*. Познаемъ нѣи као и мене, само изъ нѣиновогъ появленія у рѣчима и дѣланю. — Но зато

опетъ природа нѣвова непозната ми е. Они принадлеже къ првимъ узроцыма оны сила, кое свѣтъ са своимъ дѣйствіама испуняваю, премда оны сами по себи остаю тайна. —

„А *зашшо* они мораю сами по себи остати тайна?“ упытамъ га.

На ову рѣчь *зашшо* одговори онъ: ово пытанѣ простиресе иза хорізонта нашего знаня. Но я ѣу опетъ одговорити: Како годъ што цѣла природа около насъ живи и дѣйствуе, а никаквогъ прозрѣнія о собственной своіой внутренности нема; или какогодъ што поедина мысль изъ човѣческогъ духа произлази, безъ да та мысль себе у вештественности своіой познати може, ербо ние сама свой источникъ, него истицай или само една частица нашего быѣа: тако исто и духъ премда е свѣстанъ, али зато опетъ нема усмотренія и познанія о собственнимъ свойствама свое природе, ербо и онъ ние *независный источникъ* свогъ преимущества, него частица или происхожденіе нѣкогъ вышегъ существа, то естъ една мысль изъ овогъ *свевысочайшегъ* произлазеѣе, кога сви язицы виновникомъ свега постоеѣегъ или Богомъ называю. Оѣу да кажемъ: *све* и *сва* духова, существа, крѣпости и ствари, то е едно *едино* и нераздѣлимо *цѣло*, кое хотя да се чувствама, или людскимъ воображеніяма представля раздѣлимо, *но оно у себи ние шако*. Ово едино, кое сочинява *све* и *сва*, и осимъ кога недае се ништа далѣ помислити, *ербо е оно само све и сва*, притяжава, будуѣи е

све и сва, у найвышой свѣдомости усмотреніе самога себе. Остали мы духови, сушества, силе и ствари само смо божія излиянія, безъ усмотренія нашегъ внутреняѣгъ сушества, зашто иначе мы бы сушество господа Бога прозрѣти и увидити морали, кое е наше првоначално сушество. Могао бы вамъ и выше казати; но оѣете ли ме разумѣти? И я самъ негда збогъ наглости или любопытства хотѣо изыѣи изъ овога круга, кой е вестество около могъ дѣйствованя назначило; но наскоро осетимъ суету могъ труда. Првый е корабъ къ мудрости и къ успокоенію, оно што е непостижно *признаши*; а другій е, невозможно *незахшеваши*. Почемъ е дакле будаласто, невозможно хтети, то намъ онда и врло лака жертва мора быти на свагда и конечно наше мысли одъ тога одвратити, и себе само са онимъ задовольити, што имамо.

Ово дакле, што мы у царству знаня имамо, довольно е за наше успокоеніе. Докле духъ мой у чудесама безконечне природе изобилуе, дотле онъ осеѣа себе, као нѣку благородну частицу у истой. Природа *осшае*, само образъ, шаре и саставъ стварій *менясе*; но шта иза овы форми и шара лежи, и шта ова меняюѣа се появленія производи, недасе разрѣшити. Я могу средствомъ ватре какву палату растворити у невидиме частице; но съ тыме самъ само свезу малы частица одну одъ друге разставіо, кое се пре тога звало палатомъ; но саме частице нисамъ са света утамавіо.

Дѣйствуюће, непознате силе, остаю по себи ствари; само што *друга* появленія садъ про- изыђу, то естъ, произведу у моимъ чувствама *друго вшечашлѣнїе*, почемъ у другомъ отно- шенїю самномъ стое. —

Далѣ немогу заилазити. Едно, што увиђамъ свудъ границу мога знаня; а друго, што за успокоенїе мое непотребуемъ выше, него ко- лико ми е нужно знати. —

„Я те увѣравамъ,“ рекнемъ Аламонтаду, и твоя е философія врло задоволяваюћа. Моя напротивъ, потребуе много выше. Она тражи тврду, безусловну истину, а неналази е нигде. Тражи достовѣрности о найважнїимъ отно- шенїяма човѣческе природе, па све далѣ за- илази у сумню.“

Вы сте несрећни, ербо оѣете *выше*, него што *можеше*, и желъ питате, коихъ при- страстный гласъ, тихій говоръ срдца и душе заглушуе. Но само два пута можемо поста- вити; или морамо наше душевне силе тако употреблявати, као што їй имамо, или ћемо се своевольно редкой будалаштини предати. Ово последнѣ быва, кадъ мы, као што самъ се еданпутъ тымъ примѣромъ послужио, за- хтевамо, да са ушима шаре видимо, а са очима гласове распознаемо. Догађасе и онда, кадъ мы о слободи нашей сумнямо, при свемъ томъ што се избори свакій часъ догађаю; кадъ мы сва вѣрованя одбацымо, и опетъ посведневно за увѣренїемъ настоявамо; кадъ мы нигди на другомъ мѣсту спокойства не-

увиѣамо, него само у неопровергаемой и непомѣримой истинности, и опеть у свѣту пуномъ обмане такоѣе посредствомъ обмане оѣемо мудрии да будемо. Тако е и онай философъ (ако смемъ едногъ любителя мудрости тымъ именовъ назвати, кой се у вѣчномъ бореню противу внутреннѣгъ закона свогъ налази) едно несреѣно створенѣ. Жали се на природу, и опеть оѣе самъ собомъ будалаштину свою да побѣди.

„Како ты то истолкова,“ рекнемъ му, „да су люди све веѣма сумњи наклонити, што далѣ знаня своя распространюю и понятія своя освѣтляваю? Но я држимъ, да прилѣжна испытываня и наука на послѣдку опеть приводит човѣка къ истини, а истина къ спокойству. Зашто дакле да ту противно има мѣста? Зашто да су спокойни, и као што велишь, найсреѣни они, кои найманѣ знаду; и зашто да е мука неизгладиме сумнѣ, награда прилѣжнымъ испытательима? Не зовемъ ли се то бацати лягу на достоинство нашегъ знаня, и у нами тежню за вышшимъ изображеніемъ нашегъ быѣа убіяти, почемъ намъ najlepше надежде наше раздире, нашу найсветію цѣль уништожава, и са безутѣшномъ ноѣи рай прекрѣыва, куда е чезня наша управлѣна была?“

На то Аламонтадъ оемѣну се кротко, дигнувши руке горе, и очи одъ радости иѣже зраке засвѣтле му се.

„На момъ раю,“ рече, „не лежи безутѣшна ноѣ! я есамъ — и есамъ у безконечномъ и неиспытаномъ свестройству; изъ овогъ и изъ Бога не може се ништа изгубити. Моя е суштностъ са суштностѣу цѣлога свѣта една истоветна. Една е првоначална сила и изъ ове самъ я; име е ове у свимъ езицыма разумны суштества; одъ нѣ вѣе свакомъ срдцу опомена; и свакій разумъ отданъ е, ню споминяти и почитовати. А то е *Богъ!* Помысао пакъ на Бога, врло е таманъ погледъ нашегъ собственогъ тайнепуногъ суштества; самоуваженіе пакъ добродѣтелногъ духа за себе, естъ почитаніе главногъ основа о свему, што постои.“

Алаонтадъ ние быо на пытанѣ мое забораѣю. Послѣ краткогъ ѣутаня настави далѣ.

Ништа ми се природніе не чини, него да човѣкъ све дублѣ у сумню тоне, што далѣ за трагомъ нѣке издалека свѣтлеѣе се истине хити. Само дебело незнанѣ вѣруе све, и оно ништа не сумня. Кой се тога отресе, тай измеѣу десетъ уважаваны истина, заиста открие деветъ будалаштина. Посрамлѣнъ разнымъ самообманама, напунисе неповѣренѣмъ. Ништа му выше не бы помогло, као тврда и неборима истина, но нигди е не може наѣи, врбо свуда може и то прибавити: по измеѣу осталы отношенія могло бы опетъ све другіе быти. — Зато суевѣріе и невѣрованѣ троняваю непосредственно заедно. Столица св. Петра у Риму, произвела е прве атеисте

христiянства. — Између ноћи и дана лежи помрчина; између заблуђеня и мудрости мучителна тама сумњѣ.

„Али зашто нѣки ослабљаваю у овой магли тако, и не могу до свѣтлости да дођу?“ упытамъ га на то.

Може бити, рече онъ, не достав нѣкоме мужества, па мѣсто да корача правимъ путемъ напредъ, остае на едномъ мѣсту; другiй опетъ, кои санянѣ дѣтинства свогъ любви, уплаши се одъ *необычногъ* вида истине, и враћа се онамо одкудъ е произышао. Я самъ у младости моiой познавао нѣке богохулителѣ, кои су были готови покаются.

Нѣки опетъ траже свѣтлостъ на лажномъ путу, то есть, умѣсто да корачаю напредъ, обрѣху се непрестанно около точке свогъ сумняня. Хтели бы да се о быћу Бога и о безсмртiю душе увѣре; па да бы то открыти могли, предузумаю суетна изтраживаня о естеству стварiй, то есть оны *сила*, одъ коихъ мы само дѣйствiя нѣиова, а никако *нѣи саме*, осећамо. Хтели бы да докуче, шта е Богъ за себе, и шта е душа сама по себи, при свемъ томъ, што они испытуюћи оныхъ естества не могу ни само нѣиова появленiя честито да усмотре. По дугомъ овако безполезномъ труду, задржаваю се у своiой дубокой тамѣ на старомъ мѣсту, и напослѣдку стану отчаявати, да ће се изъ лавиринта овогъ моћи избавити.

Ёдни онетъ изберу путъ подобности ства-
 рій; стану изтраживати, како подъ извѣст-
 нимъ отношеніама у тѣлесномъ свѣту ствари
 дѣйствую. Но они што далѣ у тайну есте-
 ства заилазе, све выше они тѣла у нѣмо-
 вомъ простомъ станю налазе и увѣраваю се,
 да е кнѣига закона вселенне све простія,
 по коіой све постоеѣе едно за другимъ дѣй-
 ствуе, едно друго за собомъ вуче, дѣлисе и
 механически или хемически нове ствари про-
 изводи. Што човѣкъ мысли, распоснае, и оѣе
 и поступа, и што околотеченіе цѣле все-
 ленне нешто прорачунити, и законе разра-
 стаюѣегъ естества нешто докучити може,
 држе они такоѣе за слѣдство свогъ устано-
 вленія, као плодъ и цвѣтъ што су устано-
 вленіе живота прозябенію. Кадъ се дрво едно
 у корену осуши, онда, они веле. и плодъ е
 и цвѣтъ отпао. Па тако е и духъ човѣче-
 скій! — Но шта су насъ съ тымъ научили!
 — Изъ *непознашы* стварій, кое мы нигда
 испытати не можемо, изясняваю нешто *не-*
познашо, тако као да бы мы то веѣъ знали.
 Ёрбо силе оне, кое появленія она производе,
 кое мы тѣломъ называмо, остаю свагда за-
 гонетка. Или заръ хтели бы изъ появленія
 текъ *нешто* и овога судбу доказати, кое по
 себи нити е появленіе ни тѣло, него чиста,
 дѣйствуюѣа сила, а по моме мышленю, духъ
 човѣческій. Напослѣдку доказую, да е тѣло
 отаць духу, оно, кое е за чувство састав-
 лѣно, да буде происхожденіе духу, кой е ед-

ноставанъ; тѣло, кое е промѣняемо, да буде основъ непромѣняемомъ, и кое само о себи ние свѣстно, оѣе да поставе за производителя самосвѣстномъ духу; еднимъ словомъ, праве човѣка за производителя, за машину, и за любовь славе проповѣдаю све наопако, здравоме разуму противно, кое и они сами нигда озвильно вѣровати не могу.

Но водъ многи произлази по свой прилицы болестъ ова сумнѣ, изъ лажногъ употребленія ньиове душевне моѣи при поступавю овогъ великогъ предмета. Хтели бы са мечтаніемъ издѣйствовати, кое само разумъ учивити може. Хтели бы у воображенію *представити*, кое се само *помыслиши* дае, као што се и маѣматическе точке и линіе само *помыслиши* могу. Но докле разумъ ради, тргне мечтаніе непримѣтно чистогъ понятія изображеніе на страну, и тако обманѣный филозофъ прійми ово у мѣсто оногъ, и на послѣдку клоне духомъ, да ѣе оно о чему е мыслию постиѣи. Одъ туда е ова болестъ по веѣой части младимъ *людима* свойствена *ньювимъ годинама*, любезный господине отче, у којима се са *игралишта* *вообразителне силе* у *дѣлалницу* *разума* прелази, обое любви и обое дѣйствовати допушта, и гди потомъ прва дѣла наше самодѣятелности необычне, премда кадкадъ и врло лепе наказе буду.

„То бы садъ и за васъ обоицу приличити могло!“ рече Дыльонъ смѣшеѣи се, и погледа насъ.

Родерихъ ухвати га за руку и рече: „тай старый робъ имао е у многимъ стварима право. Но треба нѣгове речи двапутъ и трипутъ чути, да бы се смысао нѣновъ могао сасвимъ разумѣти.“

„Найвеѣма желіо бы,“ рекнемъ я, „тога човѣка собствена увѣреня чути, на потомъ да видимъ, бы ли нѣгова увѣреня моя прогнала, или бы іѣ іоштъ веѣма утврдила.“

„И то ѣемо учинити!“ одговори Дыльонъ: но другій путъ чита ѣемо Аламонтадовъ одъ мене белѣженный разговоръ, и иѣи ѣемо далѣ къ ствари. А садъ да чуемо одъ нѣга, како е онъ о духу своме и о судбини овога мыслию, и зашто мы такъ, а не другчіе треба да мыслимо.“

Дыльонъ преврну нѣколико свезски, извуче едну одъ последньи наполь и читаше:

8.

„На кой си путъ изабрао Аламонтаде, коимъ мыслишъ да ѣешъ себе изъ те мрачне гомиле сумнѣ на видѣло извести?“ упытамъ га еданъ данъ.

И мене е, одговори онъ, мучила негда ужасна неизвѣстность о вредности мога живота и о будућой моіой судбини. А и коме предмети ови нису пре или после были негда важни? Но свагда налазіо самъ само два пута, коя су ме къ едномъ познанію сверху овогъ дѣла привести могла: *пушъ гологъ искушва, и пушъ самодѣйшвуоѣгъ разума.*

Стаза искусства чинила ми се дуго времена извѣстнѣя. Но наскоро наѣдемъ, да предмети мои иза хоризонта земногъ искусства леже; да я при *садашньимъ* ошношеніама и са *оваковимъ* справама мое душе, немогу нигда *изванчувственне* причине стварій или появленія коя ме обколяваю, докучити; да се бадава трудимъ опыте у ономъ свѣту чинити, за кой ми никакова крила дата вису; да самъ истина и самъ една частица овогъ тамногъ свѣта, овы сила и причина, но безъ истинногъ понятія за нѣи, него само са истиннимъ понятіемъ за нѣиова дѣйствія.

Тако остане ми само *иушъ* разума. Примѣтимъ живо, да я, кадъ о *увѣреніама* говоримъ, морамъ се свагда на законе разума освртати, и што овима противослови, неможе ни мене увѣрити. Примѣтимъ, да сви люди, безъ наговараня, безъ да су се кадъ видели, у свимъ вѣковима и подъ свимъ поднебіама еднаке законе разума притяжаваю као и я, и да они само у *упошребляваню* овы закона одступаю одъ мене. Примѣтимъ и то, да дѣте чимъ се роди крозъ нѣко време одъ собственногъ искусства и сравнѣванѣмъ овогъ едно съ другимъ, поставлѣно буде у станѣ, само себе одъ други стварій разликовати тако, да наскоро за овимъ почне по овимъ законима мыслити и радити. Па то исто наѣдемъ и кодъ изумрлогъ старца, коме су силе воображенія угинуле и памјатствованіе изчезло. Докле се животъ тѣла нѣговогъ неугаси, закони нѣго-

вогъ мышленя задржаваю свое высочество, премда онъ одма при осаканеню нѣговы чувственны справа, као на пр. кадъ се збогъ старости лишенъ памятствованія подѣтиньи, ние выше у станю, нѣга окружаваюѣе ствари достойно уважити и законе свога быѣа надлежно употреблявати.

Мыслимъ ли и дѣйствуемъ ли по овимъ законима, то се онда све развѣя предамкомъ у свѣтлопуной хармоніи. Покушамъ ли заповѣсти нѣгове избѣи, то се онда стропоштава све у еданъ безконечный хаосъ; занесемъ се у разтргаваюѣа противурѣчія, и бѣшенствуемъ.

Устроеніе могъ быѣа принуѣава ме, да све за узрокъ или слѣдство држати морамъ. И самогъ себе сматрамъ као причину мой мысли, мой желя и дѣланя. Я немогу другчіе, него да и быѣу обкружаваюѣегъ ме свѣта, ове силе, одъ кой само дѣйствія на мени, а никакo нѣи саме осеѣамъ, нѣнѣй начальный узрокъ морамъ одобрити. И самъ атеистъ не одриче ово сасвимъ. Онъ называ тайне, совокупнодѣйствующи сила природе, главномъ причиномъ свію появленія, коя насъ обкружаваю. Онъ имъ одобрава вѣчность, као што су то други своме Богу приписали, и ту ячину свое сумнѣ ставля на мѣсто единого существа божіегъ, или као доказъ свой за истинитость тайны естественны сила къ обясненю свѣта, у нашемъ *непознанству съ нѣима*. Мы слабо ту силу познаемо, вели онъ, да бы о нѣой рѣшительно могли говорити.

Што му драго, и я самъ нѣговогъ мнѣнія. И онъ е едну высочайшу, тайну причину свѣта примію. Она е нѣговъ Богъ. Но онъ држи да силе нѣгове немогу за себе быти свѣтне, по законима дѣйствующегъ существа. Природа, вели онъ, одъ искони тако создана, одъ искони тако тече, безъ да она зна, одкудъ появленія и промѣне нѣне происходе. Тако бы на тай начинъ само човѣкъ быо найсовершенство существо, еръ онъ свѣсть живота има. Тако бы на тай начинъ и природа была Богъ, коя е благородніе ствари произвела, *него што е онъ самъ*. Цѣла вселенна была бы една мртва машина, коя сама себе непознае, но существа раба, коя заслужую, да се боговима называю, ербо она само *живе* и созданія и промѣне природе (или Бога кои самъ себе непознае) познаю. Но мысао узвышава ме, да докле самъ годъ разумно существо, немогу имъ се придружити.

Дакле кадъ ме разумъ принуђава, едно главно существо припознати, то ме онда у исто време принуђава, да га немогу за несовршеніе држати, него што самъ я. Ова чудесна хармонія у цѣлой вселенной, ови закони тайне природне силе, кои неизмѣримость цѣлога созданія возглашаваю, тако су узвышени, да іѣ никакавъ умъ, почевши *одъ мене самогъ* представити *ниѣ могао*, нити е ма кадъ кой смртный могао то представити. Изъ овога изводимъ себи подобну *крѣпость*, подобну у смотреню самодѣятелности и свѣ-

сти. И тако у колико годъ една частица прашка стои на спрамъ цѣлога свѣта, тако исто и човѣкъ са своіомъ мудростѣу и силомъ, стои спрама мудрости и силе найвышега суштества.

Да, господине мой, кой ние у станю законъ разума нарушити, тай неможе ни свеустрояваюѣе, владаюѣе и свеоживляваюѣе првоначално суштество изъ простора вселенне у царство небыѣа прогнати. Човѣкъ збогъ свое свѣсти и своій узвышены свойства, стои на едномъ високомъ степену у поредку стварій. За доказъ нѣгове узвышенности, може се узети и то, што е онъ средствомъ разума присилѣнъ мислити о Богу. Онъ у Богу сматра самогъ себе, а притомъ у внутренности своіой сѣйность светогъ првогъ суштества. Може нѣкій саможивый наученикъ, и то да бы выше сѣио, него увѣреня дао, понятіе замршивати, раздоръ заметати, мислеѣи съ тымъ себи славу нѣку придобити доказываюѣи, да *нема Бога* — но гласъ цѣле природе противи ѣе му се вѣчно у прсима.

Есть Богъ. Я могу себе заплести, себе са воображеніяма заглунути, но опетъ морамъ себе на те мысли довеси, да има Бога! Гласъ разума продире крозь све софистеріе. Све націе, сви вѣкови, еданъ одъ другогъ ненаучени, исповѣдаю име божества, само што су умови людски величину Бога разво предсталяли, ербо степени нѣновогъ изображенія были су различити. Япанезъ и Христіанинъ,

Єврей и Хинезъ, Мусулманъ и Црнаць — сви ови кланяюсе съ молитвомъ предъ онимъ, коєга образъ у сяніемъ или тамніемъ огледалу представленія нѣновогъ яснѣ или мрачнѣ показуєсе.

Шта се захтева одъ мене? Заръ да сумнямъ о быѣу безконечногъ првоначалногъ духа? Ако се то оѣе, то ѣу и я онда о быѣу свію стварій, о величеству, мудрости и свѣтости коя у цѣлой вселеной постои, сумняти, или іошть болъ вѣровати, да онай, кой намъ є слухъ, очи и разумъ даровао, неможе самъ чути, видити и разумѣти. — Оѣу ли да сумнямъ о вѣчной истини закона разума? Ако се то оѣе, то ѣу и я онда противно доказа-телство предпоставити свесогласію мога знаня; предпостави'ѣу безуміе истини; мою собствену сумню обезсумныти, и тако одъ лудости у лудость посертати. Примѣчанія є достойно, да су сви Скептицы у обычномъ животу разумнѣ мыслили и поступали; само у соби своіой кадъ су о томе мудровали, заілазили су у заблужденіе. Нѣнова су найболя дѣла образаць оштроумвогъ безумія.

Све што се при погледу предивно устроєне вселенне и нѣжно прорачунѣногъ союженія стварій реѣи може, ово є: *Я ово нецосшиза-вамъ!* — Бѣдный човѣче, па шта бы іошть хтео? Кадъ се ты у окно нѣколико хиляда хватій подъ землю спустишь, да подземну природу испыташь, гди она у мрачнимъ своимъ одъ стѣна сокровищницама металле спра-

вля, рѣке производи, и огнѣдишуѣ горе при-
 уготовлява, ахъ! та онда ниси іоштъ ни най-
 таню кору преужасно великогъ круга земногъ
 додирнуо, а камо ли пространну утробу нѣну
 усмотріо. Кадъ твоє очи са увеличателнимъ
 стакломъ наоружашъ, пространно царство неба
 разематрашъ и тѣлеса свѣтова меришъ, како
 они неуморимо и хармонически еданъ поредъ
 другога укрштаваю; кадъ ты у преужасной
 дальни новъ каковъ свѣтъ одкрѣешъ, за
 коєга быѣ иначе никаковъ смртный ние могао
 знати ни предсказати, и за кою є дальнуну
 свака земна мѣра врло мала, шта си видіо
 онда? О ты маюшно и непримѣтно существо,
 дркѣешъ и стрепишъ одъ величине едне ка-
 пльице воде, у коіой живишъ, а предсказуешъ
 страовито могућность нѣке друге и треѣе,
 при свемъ томъ, што ти се и твоя собствена
 чини неизмѣрима. Ты незнашъ ништа о лу-
 меѣмъ, вѣчномъ океану, коєга дубльина нема
 дна, и коєга просторъ никакова обала необ-
 кружава.

И іоштъ мудрує упорный, гордый црвиѣъ
 у своіой капльицы о безконечномъ, *и одриче*,
 што є *непосшижимо*. Причина не може у исто
 време нѣно дѣйствіє, и понимаюѣи опетъ нѣ-
 гово понятіє быти.

Мудрость нѣка говори ми изъ свію частію
 вселенне, предъ коє величиномъ свака мѣра
 престає. Мы смо у нашимъ познаніама тако
 оскудни и тако сыромашни, да се суетно
 мучимо о нѣкомъ достойномъ представленію

свевышнѣгъ. Представленіе наймудріегъ на земли о нѣму, свагда е *Богоцовѣкъ*. И будуѣи да ово представленіе и нама дѣцы доброчини, то задржимо ово слабо и неяко подобіе о невидимомъ отцу — докъ еданпутъ нескине са себе завѣсу, онай, кога е завѣса небо и по нѣму путуюѣи безчислени свѣтови, атоми летеѣи и свѣтлость сунца.

9.

„Я пристушимъ,“ настави Игуманъ *Дыльонъ* далъ преповѣдаюѣи, „къ постельи овогъ несреѣногъ существа, уватимъ га за окорелу нѣгову руку и рекнемъ: ты имашъ право Аламонтаде. Све, што и найжешѣій сумнитель о овомъ великомъ предмету казати може, состои се у томъ: *Я ово нецонямъ*. Неда се *никакво очевидно доказашелство*, ни за, ни противъ навести. Я се съ тобомъ соглашавамъ Аламонтаде, мы смо безъ крыла и перая за онай непостижимый свѣтъ. Но сущность Божію изъ овогъ вѣчногъ, безконечногъ и величественногъ созданія свѣта, хтети *гордо одрицаши* — то е претерано усвоєнѣ, каквогъ занешеняка, коме е выше учевно, неже ли материно оштроуміе то у главу уселило. Духъ човѣческій, присилѣнъ законима существа свогъ, мора нѣко высочайше существо *вброваши*, премда онъ ние у ставю то исто чувственно представити, нити математически доказати. Кадъ бы Богъ чувственно видимъ быо: не бы быо онда безконечанъ, него прахъ,

а не Богъ. Ово увѣреніе тако е тесно съ разумомъ споено и уедно, да нѣга нарушити, значило бы съ разумомъ помѣрити. Ово су чувствовали сви вѣкови. Ни еданъ законодаваць, и ни еданъ народъ на земљи не рече кадъ: „Я знамъ Бога!“ него у свимъ езицыма каже се: „Я вѣруемъ Бога!“

Но и ова вѣра, прехвати Аламонтадъ далъ, выше е него обычно држанъ за истину ствари изъ свакояки основа; да, много е выше, него едно знанъ, ко коемъ се мы средствомъ сравнѣваня, присоюжавамо и споляшня увѣренія постизавамо. Има неко природноуждно примораванъ разума, кое е едногъ и истогъ быѣа съ нѣме и кое е непромѣняемый основъ свакогъ вышегъ познанія, безъ коега никакво единство и разрѣшеніе свега постигнутогъ не бы могло быти. Како годъ што смртный прво средствомъ упознаваня и заключенія къ обясненю свое собственне самосвѣсти и къ увѣреню долази, да е заиста овде и да живи: тако исто онъ средствомъ упознаваня и заключенія долази топрвь къ ясности богопознанія. Но онъ е имао животъ пре, него што е заключеніе вообразыти могао, и идея о Богу была е нѣгова пре, него што му е средствомъ живота и мышленя ясна постала. Ово налазимо кодъ народа свію поднебія, и много раніе кодъ исты, него све остале науке или художества живота. Ова идея, нити е изнаѣна, нити е своевольна, нити преподана; — она е — како ѣу вамъ нашимъ крутимъ,

нескладнимъ и оскуднимъ рѣчима човѣческимъ изразити? — она е божественна, одъ куда смо и мы. Мы смо, допустите ми казати, нераздѣлиме частице (атоми) божиегъ существа, кои свое происхожденіе и участіе у вѣчномъ првоначалномъ существу неможемо изгубити ни одреѣи. И у овой одъ човѣчества неразрѣшимой вѣри, кое управо ние вѣра, него много *выше*, него *ова* само, у ньой е у исто време ненарушимо достоинство духа основано. —

При овимъ рѣчима прехвати Родерихъ одъ Игумана: „Овде долази редка мысль средствомъ Аламонтадовагъ говора!“ рече онъ: „онъ говори о себи самомъ — откровенію найвышегъ существа у нашемъ разуму. Я држимъ да бы къ успокоенію човѣка чрезвычайно много принело, и све сумнѣ на свагда разорило, кадъ бы се Богъ ма коимъ другимъ начиномъ людима *у свѣшу* появио, а не само у *разуму*. Тежко ми е мысли или желю често и разговетно изяснити. Но оѣу одъ прилик: толико да кажемъ, да начинъ овай откровенія божиегъ, о коме Аламонтадъ говори, ништа яснѣ ние, него осталы кои су до садъ были.

Игуманъ Дыльонъ осмѣнувши се, спусти свезку свою преда се и рече: „За *ову* роллу за кою смо опредѣлени овде изигравати, на оной точки, гди мы у свези существа стоимо, са *овимъ* справама уцознаваня, коега смо као существа, кое людима называю, участ-

ниці постали, ние друго самооткровеніе божества *могуће*, него у духу. Са спољашњимъ моимъ чувствама, са очима, ушима, чувенѣмъ, мирисомъ и вкусомъ, я могу само *чувственнo* познати. Али оно, што е преко наши чувства, душевно, може се само духомъ опипати. Какво бы ты друго откровеніе могао изнаћи, кое бы изванъ свію сумня могло извести? — Каквогъ непосредственногъ посланика божіегъ къ роду човѣческомъ, кой бы намъ о быћу нѣговомъ проповѣдао и чудесима потврђивао? Свакій готово народъ хвали се, да е по едного оваковогъ посланика имао; ови су живили и неколико година учили, и сумня слѣдовала е нѣиовомъ посланію и нѣиовимъ чудесима. Хинезъ вѣруе у *Фоху*, Индіянаць у *Браму*, Еврей у *Мойсея*, Турцы у свога *пророка*. Но мы любезный Родериче, сумнямо о свакомъ небесномъ посланію. Кадъ бы нешто данасъ устали сви мртви изъ своій гробова, и почели о откровенію божіемъ проповѣдати, кажи ми, был' мы нѣима вѣровали? У овомъ воскресенію мы ништа друго не бы сматрали, него нешто необычно. Уставше ове изъ гробова, мы не бы сматрали као нѣкій знакъ нѣиовогъ божіегъ посланія, и нѣиове речи не бы почитовали за истину, него бы то држали, као нѣкій доказъ нашегъ знаня о течаю природе. Свака истина, носи силу за доказателство у *своимъ собшвеннимъ нѣдрима*, а не у нѣнимъ *сшраннымъ сшварима*. Кадъ бы те я хтео увѣрити, да е стварь една

округла, у исто време и четвороуголна, и да су двапутъ два седамъ, ты бы се смеяо. Кадъ бы дакле за доказателство истине мойй речій, повратіо рѣку да тече узъ брдо, и сунце на небу да потамни, ты се не бы съ тымъ о истинности мойй речій увѣріо, него бы казао: да су то само редки знацы природногъ появленія, и да мы законе природе и нѣну силу іоштъ непознаемо.

„Дакле Богъ ако оће да се роду човѣчскомъ яви, то есть да му се саобшти: *Есть Богъ!* то се не може дѣйствиємъ на чувства, него у духу учинити. Ово дѣйствіе не може, као при нѣкимъ посланіяма пророческимъ, само за нѣколико година, него чрезъ *све вѣкове шраши*; и не само на нѣко число *изабранны* вѣрователя, него на *све люде и народе безъ изышя* мора се разпрострети. Любезный приятелю, ово откровеніе, ово едино могуће, мы садъ притяжавамо. Вѣчно божіе великолѣпіе просвѣтлява существо духа нашегъ скрозъ, ербо смо мы происхожденія божіегъ; и са свѣстѣу нашегъ земногъ живота постае свѣсть нѣкогъ вышегъ живота самовольно ясна. Мы незнамо, одкуда е та свѣтлость у нама; ербо одъ споляшнѣгъ свѣта ние дошла, него е у нама произышла изъ нѣкогъ неиспытаемого извора, кой свему, што есть, за темель служи. *Есть Богъ, ербо самъ и я; я есамъ, ербо е Богъ.* То ние измышленіе, ние желя, ние вѣра, не, него е непромѣняема *сушность*, и есть, ербо постои

и чрезъ само сушествованѣ доказателство существования подае. Ово лежи дублѣ, него све форме представленя и мышленя, и много е дублѣ, него свѣсть наша у нама. Ово ние за себе само *предшавленіе*, него е *сосшояніе*. Зато су къ томе све мѣре могуѣности и обистиненія невозможне. *Єсть єданъ Богъ!* Ние ли се ова велика откровенія речъ исповѣдала чрезъ найстаріе свидѣтелство човѣчества, па и чрезъ доцниі родъ земнога круга, кои о ономъ свидѣтелству ни понятія ние имао?“

Дыльоновъ говоръ потресе и мене са не-обичнимъ насиліемъ. У Родериховимъ очима свѣтлаху се сузе. Разширимо руке, загрлимо старину, и полюбивши га у образъ, повицемо: „Єсть єданъ Богъ!“

Тихъ вѣтриѣъ вечернѣгъ воздуха вѣяше преко цвѣѣа изъ баште крозъ отворенъ прозоръ, и наша озноена чела прохлаѣиваше. Месецъ покриваше вселену са волшебномъ своіомъ свѣтлости, а милліони удалѣны сунца трептаху у непрекрштанимъ звѣздама съ неба доле.

10.

После малогъ одмора, подиже Игуманъ Дыльонъ оставлѣну свезку и читаше:

И тако, рече Аламонтадъ, довольно е веѣъ! Шта бы хтео далъ? Єсть єданъ Богъ, све-высочайша сила — а не безсамопроизвольно, мртво, механическо существо — зашто иначе

я бы, кой самъ са свестѣу и слободномъ во-
 льомъ обдаренъ, быо выше него Богъ! —
 Я самъ овогъ свевысочайшегъ существа пу-
 ногъ светости и доброте — *я самъ нѣговогъ*
рода! За мое снокойство выше непотребуемъ.
 Я ѣу умрети — смръть ме неможе устрашити.
 Могу ли е избеѣи? Може ли, што естъ, *ништа*
 быти? Ово ништа, стварь е помысла, а не нешто
 стварно, дѣйствующе существенно и постоеѣе.
 Може ли се чиста помысль за постоеѣу ствар-
 ность узети? Заръ су силе, кое промѣне по-
 явления производе, уништожаеме? На тай
 начинъ и цѣла вселенна была бы уништо-
 жаема, па и самъ Богъ быо бы уништожаемъ.
 Какво е то грдно безуміе! Смръть е разрѣшеніе
 духа, одъ свѣстны естественны сила, съ коима
 се союзіо быо, и кое мы тѣломъ зовемо. Духъ
 одъ Бога, тражи свое отечество. Оно е у
 Богу. Тамо га привлачи чезня, свагда одъ
 конечногъ къ безконечномъ, одъ промѣняе-
 мого у вѣчность. Ова чезня, опетъ еданпуть
 еоединити се са онимъ, коме е наше естество
 ближе, него своимъ безсвѣстнимъ силама, ова
 чезня по свршетку ние измышленіе, вिति дѣ-
 тинска и самовольна желя: него природно-
 нуждный ходъ сроднога у свестройство къ
 сродноме, као што и магнетъ окренуто къ
 нѣму гвожѣе привлачити мора. У свыма смрт-
 нима налази се ова чезня; само говори разне
 езыке, кадъ небо и пакао, рай и адъ спомене.
 Ова чезня непоказуе ми ништа друго, него
 да она естъ. Неуништожаемость пакъ божиегъ

существова, емство е за неуништожаемость
нашега духа. Я истина видимъ врло добро
свуда у естеству да се царство *форми* (образа)
меня, но невидимъ да се губи вештествен-
ность нѣнова или причине оне, кое произ-
воде *форме* и кое ове саставляю. Видимъ
такође свуда промѣне появленія, но неви-
димъ оне силе, кое сакривене у овимъ по-
явленіяма леже и нѣи производе. Зашто бы
се дакле момъ вѣрованю у Бога подемѣвао
и себи воображавао, да ми е узалудъ ову
чезню у срдце полагаати, и онай законъ, кой
ме на вѣчностъ упућуе, да е безъ ползе у
разумъ уселявати? Зашто бы дакле о нѣи-
овимъ собственнимъ дѣйствіяма сакривеногъ
царства првоначалне силе мудровао, кадъ я
то нигда открьти, па ни учинити немогу, да
сила, кою я моіомъ „себе“ именуемъ, са-
свимъ изчезне, кадъ се форма тѣла могъ у
коммаде распадне? Зашто бы вѣровао, да она
мртва сила, коя неко появленіе производи,
кое я *прахомъ* зовемъ, зашто бы велимъ вѣ-
ровао, да е она одъ почетка стварь была и
да ѣе вѣчито остати; а напротивъ она сила,
кою моіомъ я именуемъ и коя найузвышенія
дѣйствія производи, да ѣе одма престати?
Было е негда безконечно криво понятіе
ученика, кадъ су знанъ о естеству човѣче-
скогъ духа и о узаймнимъ удѣйствованьима
душе и тѣла хтели уедно скупити, да бы до-
казателство за или противъ безсмертія по-
стиѣи могли. Ови мудри вештацы узимали су

душу као неко зданіе, коегъ дужій или краіи обстанакъ трудили су се доказати, да е одъ састава грађе или одъ доброте и якође овогъ зависіо. Сва ова униіяня и доказываня остала су и до данасъ безъ успѣха, ербо была су несмысленна и управо дѣчія; естество *душе по себи*, као и ештество *тѣла по себи* остае непостижимо, зашто мы обое (душу и тѣло) само у ньиовимъ появленіама познаемо. Докле смо годъ мы као люди, свагда ће намъ и погледъ у мрачный свѣтъ стварій оскудѣвати. По овоме дакле, будаласто е изводити доказыванѣ за уништоженѣ или неунштоженѣ изъ онога, што се неда испитати. Сва искусства изоставляю насъ при овоме предмету, ербо мы немамо искусства о првоначалнимъ силама, него само о ньиовимъ дѣйствіама чрезъ орудіе духа на духъ.

„Заиста, любезный Аламонтаде,“ рекнемъ му, „то покушаванѣ я самъ давно презрео као безплодно. Међутимъ нећу ти таити, да ме е пређе на едномъ мѣсту у кнѣиги едной яко потресло, гди е о томе истоме предмету речъ была и Списатель вели: я налазимъ свуда, да *родъ* стварій трае, а *лица* пропадаю. У овоме има нешто истинито. Естество, небринећи се о обдржанію поединогъ, стара се само за продуживанѣ рода, и то е довольно за траянѣ свѣтскогъ строя. Природи ние стало за тимъ, дали ће за еданъ данъ милліонима нравій и бубица угинути, као да нигда у царству створеня нису ни были; ньиовъ родъ и видъ остае.“

Родъ? — видъ? викну Аламонтад; заръ у царству *сушшества по себи* има родъ и видъ? Да неговорите о тѣлама, о чувственностима, то естъ о *дѣйствованю* силе? Ако е то, ту има родъ и видъ; ту се поедине частице разставляю, а бивша основна сила рода остае.

Ние неосновано, да у царству суштества и силе вышши и нижши поредци постое. Нѣиова узаймна союжаваня и разставляня између себе причиняваю промѣну появленія. Но свака ова првоначална сила у саставляню и разставляню съ другима, покоравасе своме собственномѣ вѣчномѣ закону. Зато е и у изшараной игри появленя нѣка строгозаповѣдаюћа еднообразность и правильность. Но ова главна сила тежи подчинѣно са собомѣ союзити къ *ономѣ*, што мы видимѣ и родомѣ называмо; и она заповѣдателно управля крозъ цѣлу вѣчность; она е онай конацѣ, кои се непрекидно и неуништожаемо крозъ величественно тканѣ стварій испреда. Ова появивши се у пупольку растѣнїя, союзи се ту по нѣномѣ закону са осталимѣ матерїама, и потомѣ по нѣномѣ закону обрезае палме и маслине, траву и маовину, и учини да свако овако изгледа, кое мы кодъ естественны тѣлеса, кодъ звѣзда, растѣнїя и животиня родъ и видъ называмо. Подчинѣне силе напротивѣ, разставе се по собственномѣ нѣиовомѣ закону, одъ нѣ; потомѣ долази смрть. Но ове силе прешавши у друго семе, подижу у дру-

гима свою животну силу наново. Оне се продужаваю у вѣчность. Зато кажемо, видъ и родъ стваріи трае, а лица изчезаваю.

И родъ човѣческій принадежи къ овоме. И овде постои една главна и основна сила за вѣчно образованѣ и продужаванѣ рода, како годъ кодъ растѣнія и животиня. Но као што растѣнія збогъ свое у себи имаюће животне силе, стое выше него каменъ, и животно чрезъ у нѣму обитаваюће, осећаюће и понимаюће душе, стои опетъ выше него растѣнія: тако и човѣкъ збогъ свогъ самосвѣстногъ и свѣтъ проицаваюћегъ духа, стои выше него сва остала животна. Духъ човѣческій е она првоначална сила, одъ кое е свѣтъ произышао, но сасвимъ различанъ одъ свега оногъ кое му се союжава, да му справа буде, то есть, да му тѣло образуе. Онъ познае себе у различности своіой одъ нѣи. Онъ има чувство о *личности* своіой.

Кадъ лица естественногъ свѣта изчезну, кадъ се каменъ уништожи и животинѣ изумру, тадъ наступе силе, кое появленіе лица наново удѣйствую у неизмѣримый просторъ цѣле вселенне, изъ кога су произишла, и у новимъ свезама постану дѣйствуюћа. То се зове внутренњи животъ свѣта, и онъ остае ту тако вѣчито. У овомъ нема ништа благороднѣгъ и ништа напреднѣгъ у смотреню совершенства. Каменъ, животно и растѣніе, какво е было пре хиляду година, таково ћете

исто и данасъ видити. Но сасвимъ другчіе е са духомъ човѣческимъ.

„Зашто другчіе?“ прехватимъ на то рѣчь одъ Аламонтада: „кодъ поедини лица духовы по смрти тѣла враћаю се такође къ обштой сили, изъ кое су произышли и съ тyme се разрѣшаваю? Тако ће и лица духъ имаюћа овде исчезнути, а само родъ, видъ и свеобщте распротрта сила мышленя заостати.“

Па ако то буде, одговори Аламонтадъ кротко осмѣнувши се, треба л' ми зато плакати? Та свеобщта распротрта, свѣтъ провицаваюћа и себе познаваюћа сила пуна свете волѣ, коя цѣо свѣтъ оживлява и движе, као годъ и духъ човѣческій тѣло кое га покрыва, — то е *Божество*. Я одлазимъ къ отцу, къ источнику духова, Кадъ е дакле ова сила, кою мы у нами Богомъ называмо, неуништожаема као и самый Богъ: то онда не могу ни нѣну свѣсть, нѣно провидѣніе свѣта и нѣну свету волю одузети, чиме се она такође одъ свію остали естественны сила разликуе и надъ нѣима узвышава и чиме е она такође оно што есте.

Но ко имаде мѣру за безконечность существа? Ко прегледа свезу божиегъ могућства и силе у неизмѣримомъ простору свега овогъ што постои? Ко преброя степене престола божиегъ величества? Ахъ, господине мой, стои у безконечной высини надъ милліонима други существа; али до Бога нови су милліони надъ нама, и мы врло низко стоимо.

Шта смо мы, то знамо: о себи свѣстне, мыслеѣе, свѣтъ и Бога упознавшѣ силе, пу не свете волѣ, пу не безконечне тежнѣ за вѣчностѣу, и са живимѣ чувствомѣ личне, у себи незаклучиме самосталности. — Шта *можемо* бити, то нагаѣамо. Све силе естества остаю себи равне; никако дакле духови. Ове корачаю непрестанно одѣ проницателства у проницателство, одѣ благородногѣ къ благороднѣемѣ, одѣ совршенѣегѣ къ совршенѣемѣ и преобрѣу под нашимѣ ногама земнѣи кругѣ. Човѣчество е данасѣ чрезѣ наслѣдѣе предака, много совршенѣе, него човѣчество предревны времена. То насѣ учи повѣстница. Зато су духови одѣ свѣю осталы естественны сила другоячѣи. — Шта *ѣемо* негда *быши*, о томе е и замо нагаѣанѣ немо. Великѣи е Богѣ, светынѣя, и любовь нѣгова е управа, чудеса и великолѣпѣе нѣгово царство, а вѣчностѣ неговѣ животѣ. И *мы* смо у Богу, *мы* нѣгова дѣца, мы смо неизчезаеми подобно нѣму. Шта намѣ потребуе выше за нашу утѣху?

Да, я *есамь!* рече Аламонтадѣ, и погледѣ нѣговѣ са изражаемѣ тихогѣ блаженства управи се къ небу: я *есамь!* То ми е довольно. Я *есамь!* Ова мала рѣчь, обузима вѣчностѣ: ербо што есте, то остае есте, и све што овде суштествуе, вѣчно е, ербо е Богѣ.

11.

При овомѣ уѣута опетѣ Игуманѣ. Докѣ смо мы о последнѣимѣ рѣчѣма Аламонтада

разсуждали, онъ преврташе листове кнѣиге. На послѣдку нађе шта е тражіо и рече: „Овде, любезни мои, іоштъ последнѣ за данасъ, и негда за мене, а може быти и за васъ садъ најважніе одъ свега, шта е овай уваженія достойный робъ говоріо.“

„Ахъ!“ повыка смиренный Родерихъ са узнемиреннымъ срѣдемъ; „да ми е могуће? — еданъ робъ, и то на морскомъ броду робъ! Како е се у нѣму толика мудростъ наћи могла, или іоштъ выше, како е могао човѣкъ еданъ толикогъ знаня, и тако узвышене мудрости, до толикогъ заблуђеня доћи, да и онъ онамо, кудъ се највећи злочинцы шилю, вѣчито осуђенъ буде? То е непонятно!“

„Сутра ћете и *шо* дознати!“ рече Дилъонъ, „како е нѣка необычна свеза обстоятелства доброга Аламонтада тако низко оборити могла. Видите любезни мои, я почируемъ споменъ нѣговъ, као споменъ нѣкога светца. Онъ е о несрећномъ животу своме дневникъ еданъ водіо; изъ овога я самъ потомъ повѣсть нѣгову саставіо, као и изъ оногъ што ми е устменно о томе одкрио. Онъ ми е тай дневникъ и нѣгова мала повећой части на морскомъ броду или на топлимъ обрежіяма Африке писана сочиненія, као наслѣдіе нѣко оставіо. Но я нисамъ ни съ тyme задоволянъ быо, хтео самъ и нѣговы ланаца наслѣдникомъ быти, и я самъ ій добыо. Еданъ вештъ живописаць израдіо ми е и нѣговъ ликъ.“

„Нѣговъ ликъ?“ рече Родерихъ; „па вы намъ таковый до садъ іоштъ нисте показали? Заиста онъ е еданъ одъ найблагороднии између людіи быо. Я васъ заклинѣмъ любезный отче, покажите ми нѣговъ ликъ!“

Дильонъ диже се. Мы узмемо свѣћу и поѣмо за нашимъ приятелѣмъ крозь нѣке собе у библиотеку, коя му е у исто време и соба за радъ была. Онъ стаде кодъ єдне стеклене преграде и отвори врата.

Ту стаяше о зиду ликъ Аламонтадовъ, и около овога тежки гвоздени ланцы.

„Ови окови,“ рече Дильонъ, „службе светителю моме уместо вѣнца славе.“

„Єли могуће!“ повыка Родерихъ са наводненимъ очима и тихосмиренимъ гласомъ: „и єли могуће да е таковый мужъ, као што е овай, несрећне окове носити морао? Каково благородство и какова чудесна смиренность у приятнимъ овимъ чертама!“

Родерихъ имаѣше право. Овде небяше подмукло-намрштено у себи затворено створенѣ, сурово и дивлѣ, кое лице простогъ преступника обычно показуе. Него бяше образъ нѣкогъ страдалника, пунъ неизказаногъ высочества и крѣпости. Изъ изболованогъ лица, изъ разслаблѣни чертій около склоплѣны устна, изъ смиренно оборене главе къ рамену, изъ чела набраногъ борама, око кога густе, подъ великомъ тугомъ пре времена осѣдивше власи савіяху се, виѣше се ясно неисказана дубока печаль и хилядустручна

страданя, коя су овогъ благородногъ мужа у многогодишнѣмъ затвору на свагда убити морала. Али и пакъ постоянный и благоприятный погледъ, показываше напротивъ душу єдну, у коіой спокойство обываше, докле се е съ поля борила; показываше духъ єданъ, кои испунѣнъ будући благочестивомъ совѣстѣу, знаѣше туги задовольства свога смѣяти се и неситомъ Прометеевомъ жралу, кой му немилостиво утробу раздираше, опростити.

Стаяли смо дуго предъ изображеніемъ овимъ, и чиняше намъ се, као да духъ страдалника овогъ надъ нама стаяше. Туга обузе намъ срдце. Дильонъ метну руку на гвоздене окове и уздану са узвєденимъ очима къ небу: „Быо е Ангелъ земный! Быо е правъ и поднео е невинно муке! — Ахъ, и како ій е сносио! Аламонтаде, и я ћу нѣгда као и ты умрети, но оћу ли съ таковомъ добродѣтею као ты!“

После малогъ задржаваня ту, одведе насъ Дильонъ опетъ у преѣшню собу.

„Бы ѣ доцканъ любезни мои!“ рече онъ: „сутра ѣ намъ повѣсть овогъ чрезвычайногъ мужа благодѣлствовати. Я вамъ се обеѣвамъ іоштъ єдну найважню мысль Аламонтада у разговорѣ нашемъ саобштити, само прикупите іоштъ єданпутъ вниманіе ваше. Найузвышенія е мысль, кою е овай смртный о разсуждаваню „Бога“ мыслити умео. Коліко годъ путій о нѣму помыслимъ, душа

моя почувствує своє высочество и утврђено
свое достоинство, да, упознає да све земно
само по себи одпада, и да она ни у каквој
свези са цѣлимъ створомъ свѣта нестои, него
да е сама себи принадлежећа, и високу свою
самосталность познавајући, цѣль свою изъ
найтамніе дальине доводи.“

Поседамо као и пређе. Тадъ Дыльонъ
узме папире и почне читати:

12.

Колико самъ се дуже са Аламонтадомъ
бавіо, све мы се е выше почитанія достой-
нии указывао. Онъ е было учитель мой, а я
нѣговъ ученикъ. Я, одъ капетана Делубіна
послатъ, да нѣга у вѣру обратимъ: онъ на-
противъ бы мой преобратитель. Осетимъ да
се е душа у мени успокоила и сумня моя
съ разумомъ помирила. Увидимъ, да я донде
ни самъ разсуждавао, него само саняо: уви-
димъ, да самъ предмете, кои безъ свезе са
искусствомъ и умственнымъ свѣтомъ стое, пред-
мете, кои су се само погледомъ разума дир-
нути дали, хотео у *мнимо воображеніе* до-
вести, и да цѣло мое невѣрованъ одъ туда
произлазаше, што самъ са воображеніемъ фи-
лософірао, и о существу божества или о
натури и могућству вѣчности, нѣко зримо,
такође изображено представленіе створити
хтео, као што се о умственнымъ стварима
жели имати. Увидіо самъ, да дѣте кое себи
Бога, као каквогъ у годинама старца, див-

лякъ, кой га пакъ као нѣку трошећу ватру себи представля, да се ти сви као дѣца вараю.

„Али, любезный Аламонтаде,“ рекнемъ му, „човѣкъ е ипакъ едно врло умно суштество, и нѣгово воображеніе нигда несустае. Оно тражи да себи найвыше суштество ма на кой начинъ представи, па и ты ћешъ самъ одобрити, да и ты ниси свагда у станю, духъ твой на одной точки устремляваюћегъ разсматраня задржати, и да ти врло добро чини и онда на Бога мыслити, кадъ ти е духъ подъ претискомъ остарѣлогъ тѣла и подъ обстоятелствама малаксао.“

Цѣла истина! одговори Аламонтадъ: нисамъ быо свагда наклонѣнъ и способанъ, да у чистомъ понятію о божеству мыслимъ. Чинило ми е добро, као човѣку, кадъ самъ годъ представію, као да самъ се къ Богу приближію и нѣга са осталимъ моимъ представленіама познатимъ учинію. У таковимъ часовима указывао ми се е као нѣко свето, свелюбеће суштество, кое е мене и сва животна на радость у быће позвало. Нѣгова премудрость, о којой ме милліонима свѣдочанства усѣраваю, и нѣгова светость пробуђавали су у мени синовнѣ, неограничено повѣренѣ къ нѣму, као отцу своме. Чинило ми е добро, кадъ самъ му се годъ совершенно отдао. Чинило ми е добро, кадъ самъ предъ нѣимъ тугу мою исплакао. Чинило ми е добро, кадъ самъ му се жалію, што ме браћа моя — люди

— неће да чују, и кадъ самъ годъ то чиню, нигда ни самъ быо забораваљвнъ, онъ е *единый*, кой ме е сажалъвао.

Видите господине, ово вѣрованъ у Бога, кое е нужно и неизбѣжимо за мое вѣчно траянъ, као и *колько* и *гди* — то е моя вѣроисповѣдь (религiа). И ову вѣроисповѣдь имаю сви народи и сви люди, кои су се само еданпутъ развитку свога разума одрадовали.

И Христосъ Спаситель учиню е роду човѣческомъ безконечну милость тyme, што е и онъ тогъ истогъ Бога подъ именовъ отца, нами као найсветiе и найсовершенство, као свеблаженно и потоме свеублажаваюће сушество, но кое се никаквимъ земнимъ умомъ не да поняти, представю.

Но нѣгова наука, као што е међу разне народе дошла, добые разне видове и обреде, како е то естъ кой народъ выше или манъ изображенъ быо; или по различитости нѣвогъ вѣрозаконногъ предюоставляня, кое су при появу християнства имали, и потомъ са овимъ своевольно или и безъ волѣ крпили и саставляли.

Безконечна различитость степени починъ се управляти одъ найниже просте чувственности, па до обдѣлане умне крѣпости. Ова различитость производи и различитость (не закона, ербо овай е само *еданъ* у свѣту, него) додатака къ вѣри, кои се додатци често заедно са закономъ и као самъ законъ држе, и одъ туда се потомъ у *множесиво* закона

вѣруе. Одъ туда произлазе и произлази ѣ
разне партае у вѣри, међу партаяма вѣре
опетъ секте, а између секта опетъ особена
религиозна представляня свакогъ поединогъ
смртногъ. Но како бы другчѣ могло и быти?
Свакѣй изображенъ мужъ меня у вѣку своѣ
не еданпутъ но выше пута законъ, као што
се и знанѣ нѣгово, и моралне потребе и тем-
пераментъ нѣговъ меня. Сасвимъ другѣй за-
конъ има као дѣте; другѣй кадъ у юноше-
скѣй возрастъ дође; другѣй у мужескомъ воз-
расту и другѣй искуствомъ обогаћеный и у
године дошавши, а сасвимъ другѣй кадъ га
старость претисне и главу къ земљи обори.

Оставимо имъ дакле ову различитость
почемъ се изъ нѣ изкобеляти немогу! Свакѣй
има *пошребама своимъ одговараюћу вѣру*;
преобрну л' се потребе, то и живость духа
потера на выше, и пуполякъ дође до раз-
вѣйтка и обузме га нова вѣра. Небудите по-
правитель свѣта съ ножемъ у руцы. Мысли
и понятія не даду се сѣћи са гвозденимъ
ножницама насилія. Свака вѣра бы ѣе чистѣя
и благороднѣя средствомъ ослобођаваня одъ
просте и одъ сасвимъ углађене чувстви-
тельности, и средствомъ развѣйтка разума. Оста-
вите Католицыма пѣнове торжественне помпе
по црквама и алтарима, и Менонитима нѣову
пастырску простоћу, а ученима тихо раз-
сматранѣ у затворенимъ нѣовимъ собама.
Укланяйте само свуда сва она препятствѣя,
коя изображенѣю духа на путу стое; дайте

му слободе да способніе мысли, па сте съ-
тымъ учинили *све*, што вамъ у дужность
спада.

Свакій човѣкъ има свою вѣру; само не
онай, кои, при свимъ дарованіяма, нема то-
лико мужества, да самъ себе посмотри, него
у заплетеной сумњи тумара, и да бы се нѣне
неприятности ослободію, труди се да споменъ
нѣнъ у чувственнимъ рассеяностима и са нѣ-
кимъ бесполезнимъ безъ далѣгъ испита пре-
дзетимъ писанѣмъ изглади. Ова несреѣна
створеня, коима е наука благонаравія и правде
само нѣко условіе, союжаваю у себи уедно
и ту безкрайность людскогъ изображеня: бе-
зуміе нѣнове звѣрске нарави са оштроуміемъ
и досѣтливостъ са вештимъ осуѣиванѣмъ.
Юштъ да имъ противъ нѣновогъ увѣреня и
противъ нѣнове волѣ неговори по кадкадъ у
срдцу гласъ непобѣдиме природе (законъ ра-
зума), и да іѣ *ово неаринуѣава* признати, да
има правде и да постои тако реѣи, *любве-*
досшойна добродѣтель, и да іѣ ова яка сила
неуздржава противъ нѣнове волѣ: заиста го-
сподине, ови люди были бы найопасніи звѣ-
рови на овомъ земномъ кругу. Найужасніе
наклоности и дивлѣ страсти, у нѣима су за-
покоръ скопчане заедно са врлиномъ духа
човѣческогъ.

„Любезный Аламонтаде,“ рекнемъ му, по-
трешенъ силомъ и узвышеностѣу, съ којомъ
ми онъ говораше, „дакле и ты вѣруешъ, да
и наймудріи меѣу смртныма не само вѣро-

законъ имати *мора*, ербо онъ еданъ неће са самимъ собомъ у противорѣчію лебдекегъ существа да буде, него и зато, што вѣрозаконъ потребуе, да *добродѣшеланъ* буде? О томе си до садъ сасвимъ, и, увѣравамъ те, на велико мое удивленіе, прећутао. Ербо у томе, што ты вѣрозакономъ, а други *закономъ природе* или *закономъ разума* называю, поня се не само вѣра у единогоъ Бога и безсмертіе духа, него и *свешый поредакъ вселенне*, то естъ: вѣра, коя овде или тамо, пре или после добія награду, за порокъ казнь, а добродѣтелне душе наслѣбую похвалу! О томе любезный мой, хтео самъ те одавно внимателнимъ учинити, да ме стараніе, токъ мыслей твоій непрекинути, ние у томъ задржавало.“

13.

Вѣре су по себи и за себе, у колико се награде тиче, и зато наравственность никакo не треба съ овимъ смѣшавати, да заедно дѣйствую! одговори Аламонтадъ: религія или вѣра у Бога и у безсмертіе, колико намъ е нужна, опетъ постои у себи и за себе *сама*, и са овимъ, што мы *наградомъ* добродѣтели зовемо, нема никакoвогъ саюза, као годъ и права добродѣтель што е самостална, и безъ свакогъ приврѣнія на Бога, на безсмертіе и на награду.

Но на свакій начинъ благодѣтелно е религію (вѣрозаконъ) у овомъ значеню за сред-

ство воспитанія недозрѣлогъ людства употребити. Она е найпоуздани стубъ, узъ кой се одъ найниже чувственности полако къ самосталности разума подижемо.

Вѣчный, у нами налазеѣй се, и у свимъ временима и частима свѣта еднакѣй законъ благовравія учи насъ, *како намъ*, као разумнимъ суштествама поступати *вала*. Ако дакле тако, као што ми внутреннѣй законъ заповѣда, поступао *будемъ*, тада ѣу топрвь быти онай, кои треба да *будемъ*: слободанъ, самодѣятеланъ, одъ самогъ себе произышавшѣй и одъ самогъ свогъ собственогъ у нѣму лежеѣегъ закона опредѣленный духъ. — Кадъ што чинимъ за свою ползу, то онда нисамъ добродѣтеланъ; свако животно чини то исто; страши се у нѣкимъ случаевима казни, а у нѣкимъ нада се своіой приятной награди. Добродѣтель не потребуе за себе *никакову* награду; она се не да продати ни исплатити; она не очекуе никакву награду. Она се упражнява безъ обзира на *слѣдство* поступаня; еднимъ словомъ, она поступа као што внутреннѣй законъ заповѣда. Добродѣтель ништа друго ние, него *появъ дѣлаюѣегъ свешогъ духа човѣческаго у своіой ишини*. Духъ еданъ безъ саюза, са упливомъ или безъ уплива каквогъ по скотскимъ намѣрама и интересима дѣйствующегъ тѣла, бива, кадъ онъ дѣйствуе, *само добаръ*, неѣе нигда *неморално* поступати; быти ѣе едно *свешо*, то естъ, одъ моралны недостатка *чисто* суштество. И то

башъ духу нашемъ у каквой, законима нѣговимъ или нѣговомъ существу противо-дѣйствующой одежди обитаваюѣемъ, развія у борби нѣгову силу. И кадъ само онъ, и то само *онъ*, дѣйствуе; кадъ онъ, непритеснѣнъ чувственнымъ интересима, или неза-раженъ страхомъ казни, или надеждомъ до-быти, по *собшвенномъ* закону дѣйствуе, тада е онъ добродѣтеланъ, то есть, тада е сло-боданъ, снажанъ и самодѣятеланъ, или духъ *каковый шреба да дуде*, и дѣйствително себе достоянъ.

Башъ и да не лежи идея о каквомъ бо-жеству и безсмертію у нѣму, *опешъ зашо* онъ ѣе добро или добродѣтелно поступати. Има доста людій, кои у Бога и безсмертіе вѣрую, држеѣи да немораю *добродѣшелни* быти. Налази се опетъ людій, кои су, од-тргнувши се одъ свію сумня, безъ вѣре, но зато опетъ *добродѣшелни*.

Добродѣтель и чувственно благополучіе, или што обычно среѣомъ называмо, то су две една съ другомъ несоюжаваюѣе ствари, и нетреба едну за любовь друге узымати. Средствомъ *мудросши* могу я благостанѣ мое умножити; но случай е, ако се то и сред-ствомъ добродѣтели догоди; и то се догаѣа само донде, докле добродѣтель заедно са мудростѣу исподъ руке иѣи може. Но опетъ често наилази се на случай, да я сво мое благостанѣ на то жертвовати морамъ, ербо добродѣтелно, то есть, незавысимо одъ страха

или надежде, по светомъ закону у мени, поступаю.

Мужъ добродѣтеланъ любви свою должность са ономъ истомъ строгостѣу, непре-силъне ревности, као годъ други оно, што своимъ *правомъ* называю; и како годъ што ѣе онай за свое право радо умрети, тако исто и овай за свою должность. Должности су много прече, неизгладимогъ права *моралногъ духа*.

Тако е само слабость и кратковидность, или мудрость одъ оны была, кои су учили, да моральность и благостанѣ треба свагда да су у согласію, и да, почемъ само бѣда и неволя добродѣтель узастопце прати, у *буду-щемъ живошу морална награда*, едина хармонія обе цѣли, ово одъ нѣи тако названо найвыше добро, приобрѣсти мора.

Као што са семеномъ, кое у землю ба-цымъ бива, тако и са духомъ човѣческимъ, кадъ у цѣло созданіе свѣта дође. Као што е семе по физическимъ законима принуђено, у слѣдству свое организаціе, жиле пуштати, растити, стабло, цвѣће и лишѣе развіяти, *безъ икакве друге цѣли, него само што се у шаковомъ ошношенію налази*; тако е и духъ човѣческій, кадъ се появи, као што естъ и као што треба, по нѣговомъ у нѣму обитавающемъ строю — *морално добаръ*, безъ икакве далѣ цѣли. Постои између тако названогъ закона тѣлесногъ и духовногъ свѣта, само у *имену разлика*; у самомъ пакъ дѣлу

одно е и исто, ербо е законъ морала то исто, што и законъ естества духа човѣческаго, по коме онъ дѣйствовати мора, будући као мораланъ и као духъ правый, и неможе другчіе.

Добра дѣла творити изъ *богобоязливости*, у надежди за наградомъ или изъ страха одъ будуће казни, то е само *побожносшь*, но са уништоженѣмъ слободе дѣйствующегъ духа, или добродѣтели. — Но оветъ побожность ломи окове чувственности и починѣ приуговлявати слободу духа, води къ добродѣтели, и као *средство воспышанія* народа, почитанія е достойна. Много бы было захтевати, да сваки, безъ страха и надежде, чини добро само за любовь добра; много бы велимъ было захтевати одъ дѣтета, да оно, текъ што се роди, одма и ногомъ поѣе безъ да и найманѣ силе свое упражнява; а одъ духа опетъ захтевати, да се уедаипутъ появи у величественности свое силе, чистоте и самосталности, безъ предходителногъ упражняваня.

За воспытаніе младолѣтногъ людства необходимо е нужна наука о единомъ всеогласію морала и благостаня, како годъ што ѣе и за подивлячене люде мачъ граѣанске правице средство руковоѣеня къ законномъ поредку, свагда быти и остати.

„Како,“ удивлѣнѣ овимъ повишемъ, „заръ сви ови миліони, кои мужественно у надежди за болымъ животомъ, и са повѣре-

нѣмъ у награђаваюћегъ свогъ Бога, муке и терете на земљи снесе, и свое собственно избавленіе радо на то полагаю, кадъ до тога дође, да *дужности* испуне — заръ Аламон-таде, нису были добродѣтели люди?“

Не, одговори стараць, они се пре као мудри, него ли као добродѣтели сматрати могу, ербо они радо жертвую мало добро, у очекиваню, да добыю за то што веће. Но они су зато *благочесиви* и близу свогъ со-вршенства. Они су ми почитанія достойни; они су ми мили. Нѣма остае іоштъ еданъ коракъ, па да буду совершенно слободни.

Видите господине, изъ тога можете видити основъ, зашто я у моіой вѣри, никако неспоминѣмъ ни о каквимъ моралнимъ дужностима, ни о каквой добродѣтели, и ни о каквомъ суди свѣта. Духъ дѣйствуе како онъ *оће*. Добродѣтель нѣгова не рачуна на благочестіе; онъ за добродѣтель свою не узима никакве *сиоредне намѣре* у помоћъ. Онъ не потребуе за себе *никакву* награду; шта выше, онъ не може ни быти награђенъ, онъ в средствомъ самосвѣстне силе, собствена сила и слобода, ко којой се онъ узвышава. Онъ брзи найлепша своя ма-гновеня, кадъ побѣду надъ чувственостѣю одржи.

И ако мы за любовь наше добродѣтели морамо страдати, кажите ми господине, ко е тай, кои ту страда? Духъ *ниѣ*, ербо и онъ *онда* ужива побѣду; дакле чувственно есте-ство човѣка страда. *Ово* дакле за пожертво-

ванъ свое мора награђено бити; но како то *може* бити, кадъ се тѣло у прахъ и пепео превраћа? — И кажите ми, шта значи напоследку воздати, наградити? Кадъ я докле самъ годъ живъ вучемъ са собомъ какво болестно тѣло, оће ли ми средствомъ здравогъ тѣла у другомъ свѣту прошасти муке и страданя награђена бити? Заръ *не бы* съ тимъ већу тугу задобыо? Заръ *не бы* хиляду горки суза пролио?

„Приятелю,“ са нѣкимъ ужасненѣмъ одговоримъ, „я понямъ твој рѣчій истину — но она е сасвимъ опора и безъ утѣхе. Кадъ не бы бѣдный човѣкъ, угнѣтенъ хиљадама неугодности, имао јошть то сладко увѣренѣ: ты нестрадашь бадава, доћи ће негда часъ, кадъ ће ти се твое страданѣ сугубо наградити са вѣчностѣу — ахъ! приятелю, онъ бы често отчаявати морао.“

То е истина, одговори Аламонтадъ, да чувствениый и недозрѣлый човѣкъ, кои у мздовоздателя на небу вѣруе, неочаява. Али духъ човѣческій, кой е свесовршенъ, очаява јошть манѣ, него онъ. Тѣло нѣгово страда, али духъ нѣговъ, кой е неприкосновенъ, не страда. Онъ зна, да ће пре или после, съ тѣломъ и мученіе одузето бити. — У осталомъ любезный господине, да се непуштамо далѣ у мрачна и замршена представленія, него болѣ е, да идемо къ овоме о чему говоримо. — Повели смо речъ о страданю. Свако е страданѣ, само чувственио. Духъ

нема другогъ страданя, него кадъ свѣсть *заповѣди*, то естъ, да у бореню са низкимъ, чувственнимъ дражестима подлегне.

Но и свако е страданѣ у себи различито. Тѣлесне болѣтице, не траю дуго и потOME су лакше и издржателвiе, зашто зна се, да смръть или оздравленѣ тѣла, освободе га на послѣдку одъ тога. Зато я држимъ, кадъ о злу говоримо, кое човѣку теретно бѣва, не-
ѣмо подразумѣвати у томъ слабости тѣла. Оне су обычно свагда краткотраюѣе, на и онда, докъ надъ човѣкомъ владаю, неброенны спокойны тренутака допуштаю му.

Него много су горчiе тако назване *душевне болѣшице*. О овима е вредно говорити. Я се неопоминѣмъ iошть ни едногъ човѣка, кой е збогъ тѣлесны болѣтица отчаявао; напротивъ выше нѣи подлегли су туги и жалости, кой су изъ наручiя богатства у крайню сыротиню пали; или кое е приено приятельство изневѣрило; или кой су невинно, или збогъ кривице свое, срамоти и безчестiю изложени бѣли; или кой су имаюѣи изгледъ на нѣку среѣу, о коiой су много мечтавали, безъ сваке надежде конечно лишени.

Садъ, господине, одъ куда произлазе ова страданя? Произлазе изъ *лажногъ предшавленiя о вредности ствари*, и изъ *надвѣсiя нашегъ нижегъ, чувственногъ естества* надъ духовнимъ. — Шта су богатство и сыромашство? Само едно отношенiе. Еданъ богатирацъ између гомиле Индiянаца, бѣо бы сы-

ромашакъ у каквомъ великомъ европейскомъ граду. Сырома быти ништа друго незначити, него тѣлу своме нѣке угодности морати одреѣти. Ко ово у случаю нужде не може учинити, тай е выше *звѣрь* него *духъ* — и оѣ ли *зашо*, што *ниѣ звѣрь, награду у нѣкомъ болѣмъ свѣшу?* Заръ е сыромашство неспособно страданѣ? Као што по нѣкѣй, на сиротиню ядикуе, при свемъ томъ што е богати, него выше милліона собраѣе нѣгове! Тужба оваковогъ выше е за смѣй и презиранѣ, него ли за сожаленѣ.

Честъ и срамъ, колико пута ово зависи одъ обстоятелства! Само е у добродѣтели за себе честъ, а у пороку за себе срамъ. Добродѣтелномъ е свако осуѣиванѣ свѣта равнодушно. Ко ме се іоштъ ниѣ догодило, собственно свое достоинство у смиренномъ испуњаваню дужности наѣи, и са неокаляномъ совѣстѣу себе безъ печали надъ волнуѣимъ осуѣенѣмъ велике гомиле узвысити, тай е едно сыромашво и сожаленя достойно створенѣ; выше е животно него духъ; выше е дѣтету него ли свршеномъ човѣку подобанѣ. Онъ у жалостной слѣпоѣи ума, выше зависи одъ мѣняюѣе се игре обстоятелства, него ли одъ вѣчне истине и добра.

Па како е годъ са овима, тако е исто и са *свима* нашима тако названѣмъ душевнимъ болестима. Наше собственно слабости приуготове іѣ, а наша морална крѣпость уништожава іѣ.

Было е людій, кои су време у залудъ трошили, трудећи се да зло живота прогнаду; или да га одбране, да бы съ тымъ по нѣиовомъ мнѣнію, *чесшь Бога свога* спасли; или да бы засладили са напрезаюћомъ надеждомъ болъ нѣко жребіе съ оне стране гроба. А на што то све? Ова зла нужна су у свѣту, и нѣиово е быће доказъ онога, на што смо мы опредѣлени. Наше е пакъ опредѣленіе; *сазреванѣ* или *усовершенствованѣ* нашего духа. Онъ е зрео, онъ е совршенъ, кадъ *несавладанъ* *упливомъ чувствене силе*, самъ собомъ, по закону своме дѣйствуе. Одъ туда е и по-словица она, коя е пуна истине, но слабо е ко до данасъ разумѣо: *у несрећи човѣкъ по-сшае разумніи. Непосшоянство земнога*, чини насъ на остаюћу *вредность духа* внимателнимъ. Тлѣнность изгони духъ одъ себе, и приморава га къ истини нѣговогъ собственногъ достоинства. Човѣкъ, почемъ промѣну ствари позна, презре, нѣму давно принадлежавше, и обрати се къ себи и постане самосталанъ; узна напоследку ону високу истину, да: *духъ човѣческій ни е ни за какву другу цѣль, него е за себе овде.*

Чисто чувство самосталности духа, *емство е за нѣгову неизчезаемость*. Тако е установіо *зидитель свѣта*, да духъ човѣческій све што дѣйствуе, да се къ нѣму и повраћа, да у себи самомъ свое благополучіе, свою цѣль и свое величество узна, и *не у другомъ, него у себи самомъ*. Кадъ бы

онъ за странну цѣль быо, то бы онъ, као *средство*, морао одма изчезнути чимъ и ова изчезне.

14.

„Токъ мыслій могъ стойческогъ мудраца, пролети крозъ мене као муња,“ рече Игуманъ; „я добыемъ сасвимъ друго понятіе о моіой *сушности*. Сва земна блага са њиовимъ великолѣпіемъ и њиовимъ дражестима за чувство изчезавала су у осећаню могъ правогъ и истиногъ быћа. Увидимъ: да нити ова *мени*, нити я *њима* принадлежимъ. Савъ свѣтъ учини ми се новъ. Све ово опазимъ са найдалѣ точке гледишта. Алаонтадъ почемъ е согласіе мое открию, уѣути, као да ми е хтео времена дати, да се подъ необычнимъ хоризонтомъ овимъ мало разберемъ и доѣмъ къ себи. Ово ние нужно было. Духъ у свакой истини налази свое отечество и притяжаніе свое; само заблуѣенъ њѣму е непознато мѣсто.

„О Алаонтаде,“ повыкнемъ: „садъ текъ понямъ, съ каковимъ душевнимъ спокойствомъ ты умирешъ, и како безъ скорби даю роллу твога духа на странномъ позоришту очекивати можешъ! Но опетъ исповѣдамъ ти се, да бы роду човѣческомъ много добро чинило, кадъ бы завѣса она, коіомъ е будућій животъ нашъ застртъ, ма и найманъ одшкрипута была; кадъ бы зиждитель свѣта свою суштность іошть ма на кой начинъ одкрыо, како збогъ тога не бы могао нико у сумњи очаявати.“

Како, господине, превати Аламонтадъ, заръ вы држите, да бы онда болъ за люде было? — Коимъ людма? — недозрѣлимъ, за чувственность прилеплѣнимъ? О не, господине, нѣма бы было тако исто добро и зло, како годъ и садъ. Нѣи не чини душевность среѣнимъ, него оно, што изъ земногъ проистиче. Нѣи одушевлява, у коме они уживаю, чувство славе, явногъ высокопочитанія, приятельства, нѣжне любви, лѣпоте и томе подобно. —

Несавршеномъ людству надокнаѣва за нѣко време сила воображенія, што му у одкровенію недостае, и зато оно нѣе несреѣно. Да, вы видите, како оно крозь животъ овай радостно протрчава докле га годъ болестъ, презрѣніе, сыромашество, неприятельство, или друго каквоо чувственно зло непретисне.

Изображенъ мужъ пакъ у притяжанію свога совершенства не потребуе другогъ и веѣгъ откровенія о светой тайни природе, него кое онъ веѣ притяжава. Онъ не може выше ни желити. —

„Не може выше ни желити?“ упытамъ я:
„Я те неразумѣмъ.“

Онъ не може, одговори мудрацъ, ербо што е *немогуће*, неће ни да жели. Божество нѣе се могло чувствама одкрити, него духу. А оно е то учинило, почемъ е нашу изобразило суштность, коя е принуѣена то исто мыслити и вѣровати. Оно е учинило, почемъ е као првоначална сила сву вселенну чудодѣяніяма своима испунило, о чему се мы средствомъ

чувственны органа увѣравамо. Почемъ такође виждитель свѣта крозъ уста разума нашегъ къ нами говори: „*Я есамъ!*“ и у истомъ тренутку появленія чудеса нѣговы ставляю намъ се предъ очи, то онда изчезава свака сумня — сумня, коя одъ разума непроизлази, него одъ мечтанія и одъ искусствомъ чувствен-ногъ свѣта образованогъ разумѣваня.

Юштъ еданпутъ оѣу да вамъ повторимъ: све у пространной природи, све што притя-жавамо и што смо у нами познали и што знамо, еднимъ словомъ све, напоследку огра-ничава духъ на себе самогъ и са тихимъ примораванѣмъ одводи га къ *самосшалности*. Ово мы морамо као послѣдню мету нашегъ дѣланя, нашегъ опредѣленя и нашегъ висо-чества сматрати.

Истина, земный овай животъ пунъ е мни-мога зла; ништа у нѣму постоянно ние; све се меня и мы наглимо у еданъ неизбежный потопъ неповольны догађая и судбина. Но нетреба зато изъ гласа яувати, ербо тимъ намъ е башъ виждитель свѣта као претомъ показао, да се надъ земнимъ и изчезаемимъ узвышавамо, и да спасеніе наше и нашу главну цѣль, нетреба у овомъ, него у другомъ быѣу тражити. Духъ човѣческій, ние свойство чув-ственнаго; но и онъ самъ нема другогъ свой-ства осимъ себе самогъ. Слѣдователно моѣ чувственна, съ коіомъ е онъ као човѣкъ, неко време скопчанъ, неостае при нѣму.

Истина е и то, да мы одъ милліона разны предмета, кои насъ у неизмѣримомъ созданію свѣта обколяваю, мало познаемо; да мы ствари познаемо само у колико се оне на насъ однесе, али не, шта су и у колико су за себе. *Цѣ* нетреба се зато плашити. Почемъ смо мы свагда само на собственна наша представленія и само на внутренній нашъ свѣтъ ограничени, то е онда врло ясно доказателство нашегъ достоинства, нашегъ высочества и наше самостоятельности као духа. Мы не увиѣамо себе ни у каковомъ союзу, кое бы *сушность* нашу за средство странногъ каквогъ сушества, низвргавало, или низврженіе ово само и помислити допустило. Мы стоимо усамлѣни, али стоимо *за насъ* у неизмѣримомъ царству створеня. Корачамо прозъ колебаюѣа се появљиваня, и бывамо одъ нѣи дирнути и оставлѣни; и у нѣиновомъ бурномъ претиску презне се духъ нашъ и упозна свою сушность, и развѣе свою силу и появи се, као што *шреба онъ* да буде: Свето самодѣйствующе сушество. Но како се са непознатомъ нѣму одѣѣомъ, кою мы тѣломъ называмо, скопча, одма и мы допремо съ погомъ на землю а съ главомъ у Бога.

Есть, я самъ за себе створено, самостоятно сушество, и почемъ ме сво *само* на мене повраѣа, и цѣла около мене природа за мое *собственно существованіе* емствуе, поставивши ме у редъ стварій прозъ кое такоѣе мое достоинство и мое величество учимъ

узнавати, то проницавамъ я у самосталности
мога *была* и првоначалну силу мое вѣчности.

Може ли чувственногъ човѣка потрести,
ако одъ нѣга оно што е земно и струне и
онъ самъ себе за изгублѣна помисли. Оно
што у нѣму мысли, ние прахъ, и ние *не*
као прахъ, него нѣка првоначална сила, *д*
появленія сама производи. Она трае, она дѣй-
ствуе далъ. Безумно бы было рећи: силе
свестройства губе се изъ свестройства, или
свѣтъ губи се изъ самогъ себе.

Найкраће разматранъ о самомъ себи учи
ме, да е моя самодѣятелна *сушность* сасвимъ
другче природе одъ появленія, то есть, мога
тѣла. Ово може се разрѣшити опетъ у оне
покретне и животне частице, изъ кой га е
принадлежећа натура и саставила: но оно
мое *я* трая ће у надлежности своіой и далъ,
и надживи ће промѣну появљиваня.

Скоро, *о* скоро ће се разстроити овај
прахъ! — продужи Аламонгадъ у одушевленію
далъ, и погледъ свой іоштъ свѣтліе управи
къ небу: нека буде. Я стоимъ као неуништо-
жаема частица у округу небеснога строя.
Дивно царство духова мое е отечество. У
нѣму обитаваю мени равна суштества; тамо
су браћа моя!

Много самъ я и премного у човѣческой
моіой претрпіо натура. — Но благо мени!
У овимъ буряма раніе е сазрѣла моя крѣпость.
Я самъ све пребродіо, и у средъ бѣде, осећао
самъ мою неизказану радость; презрентъ и

изгнанъ одъ людій, осеѣао самъ мое благо-
родство, кое се никаковимъ словомъ уништо-
жити не да; робованъ мое на морскомъ броду,
была ми е школа; изнуренъ топлимъ подне-
біемъ Африке, сачувао самъ мое неотемлемо
богатство. О како самъ среѣанъ быо! При
полазку изъ овогъ пуногъ туге и неволъ
живота, погледамъ са задовољствомъ натрагъ,
еръ сва трня тако прекрасно садъ цвѣтаю,
трня, коя самъ негда мрзіо, кадъ су ме ра-
нявила.

А ты — настави Аламонтадъ далъ и у
лицу савъ преобрази се, сѣдећи я ту са стра-
хоночитаніемъ, као предъ постельомъ уми-
раюћегъ каквогъ светца и очи напуне ми се
суза, — а ты рече, высочайшій, непостижи-
мый и светѣйшій, чрезъ кога самъ постао —
Твой самъ быо и остаемъ во вѣки. Милость
твоя поставила ме е у редъ своій створеня
о неисповѣдимый! Зато се усуѣуемъ тебе
призвати и теби благодарити; ты самъ гово-
ришь о Теби у мени. О отче духова! о отче
духова! — я самъ іошть човѣкъ, и зато іошть
дѣтинскогъ ума, и помысль на тебе прати
топло чувство — зато и говоримъ къ теби.
Исповѣданіе мое къ теби — отцу духова —
врло е слабо — у колико су люди могли
произнаѣи рѣчій за благодарность! — О како
самъ среѣанъ, што самъ *посшао*! У теби жи-
вимъ я. Тобомъ ѣу се узвысити и одъ едне
точке цѣлогъ твогъ созданія къ другой спро-
веденъ быти. — О отче духова — — —

При овоме постане му говоръ све тишии и све невразумителнии. Рекао бы да духъ нѣговъ стресаше окове рѣчій, да бы се бржемъ полету пре приуготовію. Необычно нѣко восхищеніе озаряваше лице нѣгово. По кадъ дрктаху му устна, као у тихомъ узди-саю, као да бы тѣло уморено іоштъ хтело духъ у своме благоговѣнію и у своіой благодарности къ Богу спровести.

15.

У Тако дуго читаше добрый Игуманъ *Дыльонъ*. Поноћи е было превалило, и мы ни еданъ нисмо были уморни. Бутали смо. У очима нашимъ свѣтляху се сузе. Я превалимъ главу на Дыльонове преи. Родерихъ такође загри га, и тако дуго држасмо га къ срдцу нашемъ прегрлѣна неговореѣи ништа, и чиняше намъ се као да самогъ благородногъ Аламонтада држасмо на прсима нашимъ, и као да благодарность нашу не Игуману, него нѣму приносимо.

„Тако е и мене негда погрузило на срдцу!“ рече Дыльонъ: „о муже!“ дубоко коснутъ повычемъ, „како е могло быти, да те люди изъ средине свое прогнаду? Како си са тако узвышенимъ чувствомъ могао за преступника осуѣенъ быти? Одъ кадъ и добродѣтелне почеше на жестоко робованѣ окивати? Еси ли могао тако суровъ преступникъ быти, да те се е дружество граѣанско бояти морало? Ние могуѣ Аламонтаде! Ты си невинно

на найгрознію казнь осуђенъ быю. Опетъ кажемъ. Я узимамаъ твое оправданіе на себе. Ты ѣшь се и ты морашъ іошть еданпутъ у животъ повратити. Несме срамота преко гроба твога преѣи!“

Быо е яко потрешенъ. Прегрли ме са найвекомъ сердечностѣу къ себи, и лице свое сузама поли. „О!“ повыка онъ: „садъ іошть еданпутъ едногъ мужа и едногъ брата, да къ овомъ давноосыротѣвшемъ бѣдномъ прегрлимъ срдцу! Ахъ, у двадесетъ и три године усамленія свога, ние іошть на любовь заборавило; оѣе іошть еданпутъ едногъ старогъ свогъ блаженства да се опомене, пре него што сасвимъ увене!“ Далъ у туги своіой ние могао говорити. Уѣути и уздисаюѣи тихо сузе роняше.

После дугогъ ѣутаня обрати се съ лицемъ къ мени и рече: „О господине, како самъ я толико доброте и толико любви заслужио?“

„Любезный човѣче,“ рекнемъ му, „кадъ бы могао животъ твой продужити, радо бы сво мое иманѣ на то жертвовао. Ты може быти и незнашъ, да си мой благодѣй и мой ангелъ хранитель быю. Ты незнашъ, да си ме изъ пропасти очаянія исчупао. Я самъ послать быю, да тебе у вѣру повратимъ; о Аламонтаде, а ты си садъ тай быю, кой си мене обратію, и изгублѣну вѣру наново даровао ми.“

Онъ се чиняше, као да ме ние разумѣо. — „Видишь Аламонтаде, я самъ быю едно

несрећно суштество, кадъ самъ къ теби дошао. Я самъ быо Бога изъ мога свѣта изгубіо, и укоченъ одъ страха, гледао самъ у будућность, као у нѣку мртву таму. Сумня о свему, и о момъ притяжанію и о момъ быѣу, обмотавала ме е. Између противурѣчія посртао самъ непрестанно, и са моимъ неразуміемъ, было е и самомъ мени замука и срамота. Ты, приятелю, ты си ме извео опеть на путъ и мене у мою праву природу и достоинство поставіо. *Богъ, безсмртіе и самосшалносшь мога быѣа* — ты си! Духъ мой самъ неможе се тога одреѣи. Чрезъ тебе я самъ опеть са природомъ у согласіе дошао; садъ благосклонно лежи на истинномъ мѣрилу вѣчногъ разума вредность и невредность стварій преданномъ.

Тама она почела се опеть разведравати, и оно што е было опустило, садъ са новимъ животомъ цвѣта! — А све ово *даровано ми е одъ себе!*“

У прекрасномъ овомъ часу, сердце Аламонтадово буде слободніе према мени отворено. Онъ ми даде у поцепанимъ листовима нѣговъ дневникъ. На принуђаваюћу мою молбу, упозна ме са многимъ обстоятелствама нѣговогъ живота. По овоме я се ни самъ устручавао выше пута реѣи: Аламонтадъ е быо невинъ! Хтео самъ за оправданіе нѣгово одма почети радити. Хтео самъ, да му правосудіе, учини явно удовлетворенъ, и да му уграблѣну честь поврати. Онъ махну главомъ и замоли,

да докъ е онъ живъ, никаковый коракъ о томе не чинимъ. Ние се хтео лакомити за почитаніемъ онога свѣта, кой га е тако дуго, и тако немилостиво одбацао, него е све тежіо на то, да последнѣ дане живота свога, у колико е выше могуће у тишини проведе.

Одма почнемъ за нѣга дѣйствовати кодъ власти, да му се даде боля соба, и да му се мало веѣа угодность учини. Радо бы и весело сво мое иманѣ дао быо, само кадъ бы му съ тымъ кои блаженъ тренутакъ могао купити после толики издржаны мука. Ахъ, прежалити не могу да самъ га тако доцванѣ познао!

На повторено мое захтеванѣ, да ми и найтайнію желю нѣгову одкрые, едва напоследку рече ми: „Шта му драго, пишите опетъ у Нисмесъ или у Монтпелѣръ, да се извѣстите, кудъ е *Клементина* отишла? Да ли е у животу? Да ли се е удала? и да ли е среѣна была?

Я самъ познавао Клементину ову изъ нѣговы папира и нѣговогъ устменногъ казиваня. „Па ели Аламонтаде?“ рекнемъ му, „ако Клементина буде іоштъ у животу, ты бы желіо, да е іоштъ еданцутъ видишь?“

На пытанѣ ово онъ се кротко осмѣхну спустивши очи доле. „Ахъ, она е была Ангель, кой е дѣтиньство мое волшебно очарао, и мене плакаюѣа до прага изгублѣногъ рая довео. Не, немойте се трудити любезный господине. Она ако е и жива, неѣе выше на Аламонтада

ни мысли, а іоштъ маяѣ да ѣе се потрудити, да дође и гробъ еднoга роба посѣти!“

Я пишемъ и умолимъ све приятелъ и познанике мое, да Клементіну пронаѣу, и на свакій начинъ склоне е, да безъ и найманѣгъ оклеваня поита у Тулонъ, гди се нѣно найважнїе откровенїе налази. Заиста, едномъ приятелю момъ испадне за рукомъ, и за нѣно пребыванѣ дозна. То е было у Монтпелѣру, гди се е она одъ пре нѣколико година вративши се изъ Париза, бавила. Како за Аламонтада разуме, одма одважи се на путь за у Тулонъ, немислеѣи о пораженю какве велике болести.

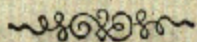
„Но, любезни мои,“ продужи Дыльонъ, „мы смо и заборавили, да е поноѣи веѣ преваило и да намъ треба отпочивати. Сутра ако зажелите, преповѣди ѣу вамъ повѣсть нашегъ обштелюблѣногъ приятеля. Она е поучителна. Онако свирѣпу судьбу, могао е, безъ да уилазимо далъ, само онаковый мужъ поднети, као што е Аламонтадъ быо. Са тврдомъ вѣромъ у Бога и узвышенъ надъ собственномъ тугомъ своїомъ, корачао е онъ снажно крозъ еданъ ужасанъ животъ, у коме е свакій тренутакъ и свакій часъ быо ужаснїи него смрть.“

При овимъ рѣчима дигне се Дыльонъ. И мы на позывъ нѣговъ устанемо. Загрлимо га са найвеѣомъ благодарности. „Оно, любезный отче, рекнемъ му, што сте вы почитанїя достойномъ робу казали, кадъ сте му благода-

рили за ваше обраћенѣ, то сте вы сами себи у име наше изrekli. О како е величественно сущтество тай Алаонтадѣ у своимъ оковима! Како е снажанъ и редакъ духъ! Нѣгове рѣчи звоне, као да су самимъ Богомъ изречене и чине човѣка божественнимъ. Я ѣу савъ разговоръ нѣговъ мени преписати. Истина онъ е у коммадима, али е пунъ совершенства. Треба га само често читати и често слушати, па да се у прекрасну светыню нѣговогъ ума вникне!“

„И я ѣу му у башти мојой подиѣи споменъ!“ возопи Родерихъ: „ликъ нѣговъ служи ѣе ми за поправленіе. Како съ пута сврнемъ, яѣу на Алаонтада помислити, и мой необдѣланный и слабый духъ у опомени на нѣга одма ѣе се подиѣи и снажнии быти!“

Тако охрабрани духомъ разиѣемо се еданъ одъ другогъ. Сутра данъ устанемо раніе, него што се зора указала.

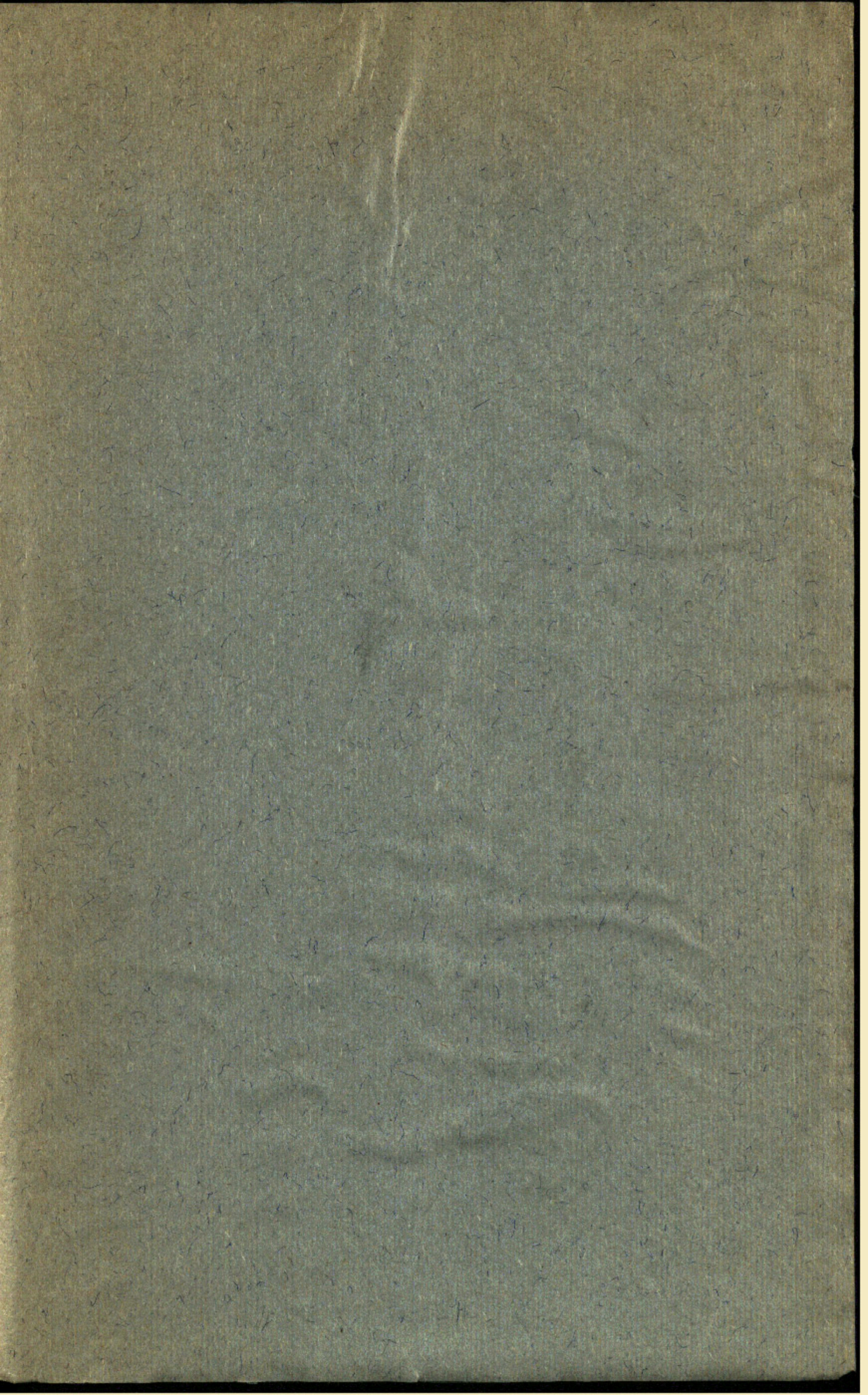

Штампарске погрѣшке. *)

Страна.	редъ.	уместо.	читай.
28.	9.	торжествовалѣмъ.	пожертвованѣмъ
35.	2. одозго.	осмеяваюѣи	осмеяваюѣе
36.	1. горе.	дѣвайке	дѣвойке.
37.	22. „	уништожени	уништоженя
42.	20. „	моме	леме.
49.	19. „	и владѣтельница	у владѣтельница.
53.	5. одозго	ти	ты.
69.	12. „	предузимаю	предузимаю.
70.	11. горе	распознае	разпознае.
81.	21. „	често	чисто.
94.	9. „	жралу	ждралу.
—	21. „	добродѣнеоію	добродѣтелю.
95.	11. „	мы	ми.
96.	26. „	усѣраваю	увѣраваю
97.	9. „	одрадовали	обрадовали.

*) Колико сам желію, да дѣло ово безъ штампарски погрѣшака буде на олетъ ние се могло одъ тога сачувати. Зато молимъ Г. Г. читателѣ, да би пре, него што кнѣигу почну читати, гореназначене погрѣшке изволѣли поправити, ербо безъ тога, тешко ће се на нѣки мѣсти смысао разумѣти моѣи.

Изд.

Р19СхII 1096/1.2

ПРИМЪЧАНІЕ.

Са задовољствомъ можемо почитаемимъ читателѣма нашимъ явити, да ће намъ одъ скупиѣны новаца за ову књигу, нешто претећи, збогъ чега постављени смо другу часть ове повѣсти, коју намъ-равѣмо скоримъ путемъ пренумераціе на свѣтъ издати, са 20. кр. ср. или 4. гр. чар. дати, а онима, кои су се на прву ову часть имали доброту предуписати, ако се и на другу изволе уписати, уступамо за половину тога, то естъ за 10 кр. ср. или 2. гроша чаршійска, присвемъ томъ што е ова друга часть нешто већа одъ прве. Зато умољавамо Г. Г. Скупителъ, нека изволе о овоме предуписанике свое увѣдомити и у исто време понудити њмъ, да се на другу часть Аламоната за 10. кр. ср. или 2. гроша чар. изволе уписати.

Ө. Живановићъ.